

4100. ФИС ЦБ
791

БОРИС БУРМИСТРОВ

избранное

Вновь снега уходят по
В ринке, в куреве адна
Возвращивсь к месту
Тде мануны давшие, за
Тде еще по тери воспои
Тде ругана стилисти
Тде еще сава рива и люб
Тде еще сава рива и люб

станавителю злей
Вот за теми перева
изнакравий ругей
на, братави, нава
на, братави, нава

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

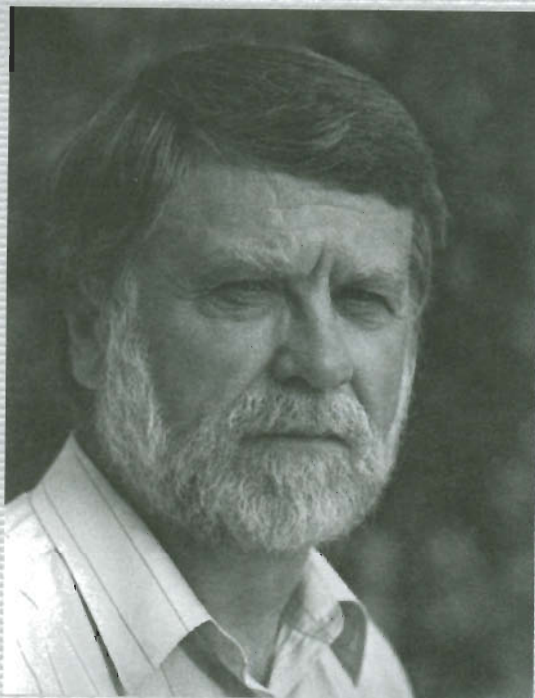
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

Коллч. пред. выдач.

22.08.11-153

БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОЙ
ПОЭЗИИ

Борис Бурлаев

84/9000
РЧС
1591

БОРИС БУРМИСТРОВ

сквозь сумерки времён стихотворения

издательство
МАМАТОВ[®]
С.-Петербург 2011

Книжка
Книжного центра
Кемеровского района
Кемеровской области
ИНВ. № 50169

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6–5
Б91

*Автор благодарит
губернатора Кемеровской области
Амана Гумировича Тулеева
за помощь в издании этой книги.*

Авторы проекта «Библиотека российской поэзии»
Ильдар Маматов, Александр Кердан.

ISBN 978-5-91076-052-7

© Б. В. Бурмистров, 2010
© Издательство «Маматов», 2010

«НО МЫ ЛЮБОВЬЮ ЖИЛИ...»

Я издавна знаю и высоко ценю творчество поэтов Кемеровской земли. Двадцать лет назад, посетив этот край, я познакомился сразу с целым поэтическим созвездием Западной Сибири — с Любовью Никоновой, Николаем Колмогоровым, Александром Ибрагимовым, Виталием Крековым, Сергеем Донбаем, Борисом Бурмистровым. Все они стали моими младшими друзьями и авторами журнала «Наши Современники». К поэтическим сборникам Колмогорова и Донбая мне довелось написать предисловие. А теперь вот и Борис Бурмистров попросил меня быть редактором и составителем его книги...

Когда я прочитал его рукопись, то сразу же в памяти всплыла одна из любимых моих русских пословиц: «Жизнь прожить — не поле перейти». И эту дорогу по бескрайнему полю поэт не прошел бы, если бы не нащупал кровные связи с вечными обликами и явлениями жизни, и в первую очередь с прошедшим, настоящим и будущим поколением родных людей:

*В моем лице — морщинки прапрадеда,
В моем лице — улыбки праправнука,
В моем лице — крупинки прапрасвета,
В моем лице — полоски праправзвуча.*

С чем сталкивается человек, вступивший на край этого поля? В первую очередь, конечно же, с роковой неизбежностью работы, с библейским повелением: «В поте лица своего будешь добывать хлеб свой»...

*Что-то оплачено кровью и потом,
Что-то свалилось, как манна с небес.
И в одиночку, и с целым народом
Нес я безропотно тяжкий свой крест.
Кто-то роптал, изнывая от тяжести,
Кто-то проклятья швырял в пустоту.
Тихие, тихие горести-радости
Следом плелись, подгоняя толпу.*

Картинами вечной народной трудовой страды заполнена рукопись Бориса Бурмистрова. Он не «соглядатай праздный», не свидетель, а такой же, как все, соучастник земной, материальной, исторической мистерии, с достоинством несущий «бремя страстей человеческих».

*Жил. И не просто ведь жил —
Завтрашний день предугадывал,
Я ли траву не косил,
Я ли стога не укладывал.
Я ли колодцы не рыл
И за работу в награду
Воды подземные пил,
Жадно вшивая прохладу.*

Самым сильным, чтобы «в поте лица своего» одолевать поле жизни — нужны более высокие цели, нежели кусок хлеба и глоток воды. Только в молодости можно рыть колодцы, метать стога, мыть золото в реках и ручьях Колымского края, одолевать просторы русских бездорожий без истерики и без проклятий, с терпением, без которого русские люди не построили **бы страны**.

*Распутница. Ташу сапог из глины,
Сезон осенних проливных дождей,
Заезженные русские равнины —
Храп лошадей и взмыленных людей.*

Как это все знакомо нам, русским людям, из простонародья, истинным поэтом которого я считаю Бориса Бурмистрова.

И каково ж было всем нам, детям этой стихии понять то, что понял поэт в 90-е годы прошлого века и выразил в стихотворении «Нищета», написанном рукой, до сих пор дрожащей «от тяжелой колымской работы».

*Пойдем, подруга-нищета,
И дальше в поисках позора.
Кому предъявим мы счета
В дни всепародного разора?*

Не часто поэт бросает свой взгляд в мир социальных страстей, но все его строки, написанные на злобу дня, правдивы и убедительны. Если наши семьи, родные, «родова» для какого-нибудь умного немца всего лишь приметы «дурной бесконечности», то для нашего русского поэта — передача вечного тепла из ладони в ладонь, из губ в губы, из очей в очи. Это тепло связует обрывки времени, заполняет провалы памяти, наполняет жизнь шумом родословного древа.

*Это дерево вечно растет.
Его корни в глубинах пространства.
В кроне, в листике каждом течет
Кровь язычества и христианства.
Я листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.*

В эту кровную связь, в ее пульсирующий круговорот естественно вплетены и живые картины и вздохи родной природы.

*И холмы, и равнины,
И глухая тайга,
Скрип продрогшей осины,
И стога, и снега...
Это все мне с начала
И до смертного дня,
И кусты краснотала,
И речушка Иня,
Тихий шепот ковыльный,
Звон колосьев литых,
И далекий быллинный
Голос предков моих.*

Это не «публицистическое разгильдяйство» (говоря словами Блока), чем частенько грешит патриотическая лирика, а таинственная сокровенная «скрытая теплота патриотизма», о которой вспоминал Лев Толстой в «Войне и мире». Эту скрытую теплоту поэт научился ценить и ощущать, потеряв многих своих родных и близких.

*Мы бы могли жить совсем по другому...
Лодка печали причалила к дому.
Мы же не звали ее, не просили,
Сел в эту лодку отец наш Василий,
Дочка Светлана, сынок — Василечек,
Бабушка Дуня и сын ее — летчик,
Брат Анатолий и друг его странник —
Лодка отчалила, скрылась в тумане,
Лишь перевозчик махнул на прощанье
И, оглянувшись, сказал: «До свиданья».*

Стихотворение так и называется «Поминальное». Сразу вспоминается «перевозчик-водогребщик» Александра Твардовского и великая человеческая мудрость, выраженная в словах «для Бога мертвых нет». Поэтому, наверное, и печаль поэта светла, а его стихи об упавших похожи на глубокие вдохи и выдохи.

*В этот день я с вами, вы со мной —
Двери потаенные открыты.
Здесь какой-то шепот неземной
И цвета закатные разлиты.
(Из стихотворения «Родительский день».)*

Отцовство, материнство, братство — вот чувства, которые помогают нам не впадать в отчаянье «перейти поле» жизни. А если еще на свет пробился новый росточек, взамен сломанных житейской бурей, то и силы человеческие возрождаются вновь.

*Новый день теплом согреет
Ласковое солнышко.
Вырастай, сынок, скорее,
Маковое зернышко.
Поделюсь я всем с тобою,
Род наш крепкий, злаковый.
От ветров тебя укрою,
Стебелек мой маковый.*

Перелистываю рукопись и везде нащупываю эти кровные связи — вены, артерии, сухожилия:

*Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле.
За них готов молиться день и ночь —
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.*

Жизнь, словно кинолента, сматывается в прошлое и волшебное воспоминание всплывает в памяти седого мужчины:

*Из прошлого вывечен сердцем
Нетленный родительский дом,
В нем зыбка с кудрявым младенцем
Качалась под звездным окном.*

И даже трагический образ родины, умытой кровью в октябре 1993 года, в жизни поэта совмещается с униженной женщиной-матерью:

*Родина — женщина русоволосая,
Милая, милая — нету милей...
Что же ты нынче нагая и босая
Кровь источаешь на груди камней.*

А когда исчерпаны все земные возможности, которые человек обретает в работе и в кровной связи, истрачены силы, данные нам природой для «перехода через поле», то у каждого из нас остается золотой запас веры, наш последний, говоря словами Евгения Баратынского, «якорь надежды — символ. Вера, надежда, любовь — последние средства от смертного греха, который называется «отчаянием».

*Я снова загнан в угол...
Где тьма, где белый свет?
Но нет во мне испуга
И страха тоже нет.
Бывало и похуже,
Вы помните, друзья,*

*Как в наши души стужа
Вползала, как змея.
Но мы любовью жили,
Молитвою Творца
И в стужу не остыли
Ни души, ни сердца.*

«Бог есть любовь» — писал Лев Николаевич Толстой. И любовь, как воздух, разлитая по страницам лирической книги Бориса Бурмистрова, связывает, скрепляет все частицы постоянно разрушаемого временем нашего внутреннего и внешнего мира. Любовь к жизни, любовь к роднице, любовь к женщине, любовь к истине, любовь к поэзии. Я знаю, что одним из самых любимых поэтов Бориса Бурмистрова является Николай Рубцов, знаменитые слова которого мне хочется вспомнить в заключении:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

У Бориса Бурмистрова — это связь поэта с прошлым, настоящим и будущим родной земли, это его родова с корнями, ветвями и листьями, это бесконечная любовь ко всему сущему.

*Поэт,
лауреат Государственной премии РСФСР
Станислав Куняев*

ПОЭТ

За все, что выдумал, простите —
Поэт на выдумки горазд,
Он столько в этой жизни видел,
Не выставляясь напоказ.

Он столько верст земных отмерил,
Прошел сквозь сумерки времен
И он один, наивный, верил,
Что мир добром не обделен.

Сменялись дни, сменялись ночи,
Храм воздвигался на крови,
А он любил и жаждал очень
В ответ, хоть капельку, любви.

Слова придумывал такие,
Каких еще не слышал свет
И утихали все стихии,
И умолкал безумный бред.

НАЧАЛО

Еще не знали сна,
Не ведали причин,
Была Земля одна
И был Творец один.

Сходила тьма на нет,
Чуть брезжило вдали,
И растекался свет
По жилочкам Земли...

* * *

Что-то не то в этом мире творится,
Если печалью подсвечены лица,
Если на лицах тревога застыла,
Значит душа о душе позабыла,
Значит душе одиноко и сирю,
Значит в миру нету Божьего мира,
Значит Любовь в суете затерялась —
Мне не досталась, тебе не досталась...
Так и живем в этой жизни мы брэнной —
Плачет душа о душе сокровенной.

* * *

Пройдет печаль, исчезнет грусть
И ночь, как сон, истает.
Любовью к ближним истончусь —
Душа любовью станет.

70-е годы
«ИЗ ПРОШЛОГО
ВЫСВЕЧЕН СЕРДЦЕМ»

* * *

И холмы, и равнины,
И глухая тайга.
Скрип продрогшей осины,
И стога, и снега...
Это все мне с начала
И до смертного дня,
И кусты краснотала,
И речушка Иня.
Тихий шепот ковыльный,
Звон колосьев литых
И далекий былинный
Голос предков моих.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Заколочены крестом
Два окна в бараке том,
Два окна — и тьма, и свет —
Память там, а нас там нет.
Там гуляют сквозняки,
Задевая косяки,
Там давно уже в ночи
Холод веет от печи
И который год подряд
Молча стены голосят...

Централизованная
библиотечная система
Юргинского района
Кемеровской области
инв. № 50269

СМЕРТЬ БАБКИ

Успокоилась, руки сложила,
Отдохнуть вдруг решив среди дня,
И лицо ее будто молило:
Не будите без дела меня.

И ходили на цыпочках дети,
И внучата молчали в углу.
Все, казалось, затихло на свете,
Только время текло по стеклу...

Отдыхает старушка, ей снится,
Знать, усталость — причина тому...
Отчего же в слезах наших лица
И так скорбно, и зябко в дому.

ОТЕЦ

Пришел с простреленной рукой,
Но, слава ветру, что живой.
От ветра дрогнула рука,
Прицел нарушив у врага.
Но страшно мне, а если б нет:
Ослаб бы ветер в тот момент
Или совсем в тот миг затих...
Не досчитался б мир двоих.

* * *

Мелеют озера
И реки мелеют.
И главная доля в том
Нашей вины...
Проходят века,
Наши души скудеют
И многих порывов
Уже лишены.

БАТАГАЙ

Отменсны надолго все полеты,
Над летным полем виснут облака,
И без работы — грустные пилоты
Играют в подкидного дурака.

Не протолкнуться в «зале ожидания»,
Ни встать, ни сесть — на каменном полу
Мешки, узлы, как знаки запинанья,
Расставлены неправильно в углу.

Четвертый день — и не видать просвета,
Туман укрыл поселок Батагай.
Устал кассир, уходит от ответа,
Хоть телеграмму Господу давай!

Спешит народ: кто в Гагру, а кто в Сочи.
Висит плакат, гласит: «Аэрофлот —
Удобно, быстро, днем или средь ночи...»,
А отпуск мой, наверно, здесь пройдет.

Хожу, брожу в измятой куртке финской,
Пишу стихи про этот чудный край,
Поет транзистор — голос Кристалинской:
«Не улетай, родной, не улетай...».

НАЧАЛО СЕЗОНА

Прохладно, прозрачно и звонко,
Дорога, как скатерть, бела.
Пыхтит на подъем «пятитонка»,
В снегу сбуксанула, пошла.

Сто сил лошадиных в упряжке,
Сто тысяч отдельно чертей.
И «джин капитанский» во фляжке
От тряски становится злей.

Спешим. Вот за тем перевалом
Нас ждет незнакомый ручей:
«Там золота, братцы, навалом —
Лопатой шуруй лишь ловчей...».

Мы знаем, что он привирает
Наш старый, испытанный «пред»,
Но дед артель понимает,
Он все-таки умница — дед.

Спускаемся вниз по распадку,
Все тише и тише мотор.
И вот разбиваем палатку,
И вот уже первый костер.

И вот уже повар хлопочет,
И в круг собрались едоки,
А джин в наших глотках хохочет:
«Чуть-чуть за приезд, мужики».

НОЧНОЙ СНЕГОПАД

Как будто увидел впервые
Я этот ночной снегопад,
И эти дворы ледяные,
И этот сверкающий сад.

Услышал снежинок шурпанье
Среди утомленных снегов,
И сонных деревьев дыханье,
И скрип одиноких шагов.

Деревья усталые руки
Воздеси к седым облакам,
И тают холодные звуки,
К моим прикоснувшись рукам...

Под эти созвучья ночные
Над городом спящим плыву,
И все это будто впервые,
А кажется — вечность живу.

Хоронили в селе пастуха,
Говорили: «Ударило громом.
А за ним никакого греха
Не водилось». И тихо над гробом.
Разговоры вели мужики:
«Видно, Богу угодно так было.
И ему, знать, нужны пастухи.
Без присмотра нечистая сила...»
Помолчали и гроб понесли
В дальний путь от родного порога.
А наутро коровы пошли,
От копыт загудела дорога.
Вышел сын пастуха Николай
И отцовским кнутом размахнулся,
Щелкнул лихо и крикнул: «Давай!»,
И без злобы на стадо ругнулся.

Множество проб и ошибок.
Где же ты, истина, где?
Лишь отраженье улыбок
Вижу в зеркальной воде,

Взглядов лукавых скольженье,
Странная тень над рекой.
Что в этом мире движенье?
Что в этом мире покой?

Что в этом мире сомненье?
И у которой черты
Радостный миг озаренья,
Горестный миг темноты.

Кто доберется до истины,
Боль пересилив и страх...
Лица угрюмы, таинственны —
Искорки смеха в зрачках.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Расставанья, расстоянья —
Очень близкие слова,
От свиданья, до свиданья
Побелела голова.
Сколько лет и сколько весен
Пролетело с той поры...
Нас с тобой венчает осень,
И осенние дворы
Нас встречают виновато,
Будто знают наперед:
Это время листопада
Отцветет и отойдет.
Наше позднее венчанье...
Осень.
Желтая трава.
Расставанья и свиданья —
Очень близкие слова.

* * *

Меня не станет на земле,
Меня волной вселенской смоет,
И где-то там, уже во мглах
Чужая боль меня догонит.

Последний раз, в короткий миг
Перед глазами вспыхнет лето,
И женский лик, и женский крик
Замрут на полях где-то...

Светлая, светлая осень,
Новое время грядет,
Цвет холодами подточен,
Миг... и сейчас опадет.

Миг... и сейчас оборвется
Лист с пожелтевших небес,
Звоном в тиши отзовется —
И опечалится лес.

Сердце забьется тревожно,
Дробный, прерывистый стук...
В сад мой войдет осторожно
Медно-серебряный звук.

* * *

Вот и прошея я уже полпути,
Что впереди там, а что позади?

В прошлом остались нелегкие дни,
Нынче холодные светят огни.

По небу катится чья-то звезда,
Время со стуком несут поезда,

Годы в почтовом вагоне лежат,
А за окном — листопад, снегопад.

Вот уже оттепель, дождь проливной —
Все перемешано. Мчит скоростной...

Стрелочник хмурый разводит пути,
Горе и радость еще впереди.

Опять дожди тиранят город
И горизонт в тумане скрыт,
Сижу в саду (собачий холод),
А рядом женщина сидит.

Сидит, не смею молвить слова,
Боюсь движением спугнуть.
Она, мне кажется, готова
Вот-вот на веточку вспорхнуть.

«Не улетайте, заклинаю», —
Я про себя шепчу, шепчу.
Хотя совсем не понимаю,
Зачем сижу, зачем молчу?..

Все на круги свои вернется,
Уже светлеет горизонт.
И женщина сидит, смеется,
Со мною вместе солнца ждет.

Зовет апрель: гулять, гулять!
Я собираюсь молча.
Жена не хочет отпустить:
— Куда собрался ночью?

— Куда, куда? Летать хочу,
Такое вот желанье!
И коль подумал — улечу,
Сиди здесь в ожиданье.

А хочешь, чудо сотворим —
Открой скорей оконце! —
Возьмем и вместе полетим
Туда, где светит солнце!

— Летать, да боже упаси!
Чтоб я тебя пустила, —
Жена сказала: — Свет гаси! —
И... форточку закрыла.

* * *

Загляделся в прозрачный ручей
И над жизнью задумался снова:
Отдохнуть бы от мутных речей
В ожидании светлого слова.

Как прекрасен родимый язык,
Как он в строчки, созвучья ложится,
Словно к чистой водице приник —
До конца моих дней не напиться...

Как медленно время идет,
Как быстро листва опадает.
Какой на Земле нынче год —
Никто из живущих не знает.

Какой на Земле нынче день?
По внешним приметам — осенний.
На доме моем — светотень
Мир делит на свет и на тени.

Как долго на свете живу?
Как долго я тень свою вижу?
Кто знает... Смотрюсь в синеву
И звуки далекие слышу.

КОЛЫМСКАЯ СТЕНА (отрывки из поэмы)

I

Череп, черепа — там, где были глаза —
Лишь пустоты, — вернее глазницы,
А когда-то оттуда сбегала слеза,
Трепетали от света ресницы.
Боль когда-то стучала в виски
И от мыслей внутри было тесно...
Колыма, Колыма — золотые пески
И святое, и грешное место.

II

Не писал я про Север пока,
Не сказать, что иные заботы,
Просто долго дрожала рука
От колымской тяжелой работы.
Просто долго дремала строка,
Замирала и вновь просыпалась,
Ударяясь волной в берега,
На которых полжизни осталось...
Что о прошлом теперь мне тужить,
В те далекие трудные годы
Приходилось мне землю долбить,
Облажать коренные породы.
И, как все, я тогда уставал,
Вспоминал я и черта, и Бога —
К свету, к солнцу Века поднимал,
Что ни метр — иная эпоха...

Кто там был — не осудит меня,
Знали цену мы мерзлому пуду...
А теперь мне подайте огня!
И чернила налейте в посуду.

III

От Магадана тыщу верст
На Север тянется погост,
Нет в мире кладбища длинней —
По всей дороге хруст костей...
Остановите, хоть на миг,
Поток машин, я слышу крик.
Из-под земли несется он,
Верней не крик, а слабый стон.
Кричать устали мертвецы...
Простите, братья и отцы, —
И после смерти вам опять
Мы не даем спокойно спать...
Молчит Колымская стена —
Где имена? Где имена?

.....

X

Далекий край, суровый край,
Да разве ты виной всему?
Есть на земле и ад, и рай,
Но кто вершит — куда кому?
И кто теперь припомнит всех,
Кто воскресит те имена?..
Примите, люди, этот грех,

Нам за него платить сполна.
Со всех концов земли видна —
Стоит Кремлевская стена,
От глаз людских удалена —
Лежит Колымская стена.

РОДОВА

Сыну Сергею

Это дерево вечно растет.
Его корни в глубинах пространства,
В кроне, в листике каждом течет
Кровь язычества и христианства.

Перемешана, смешана кровь
И от буйства к спокойствию духа
Прорастала и крепла любовь,
И коснулась дыханием слуха.

О, далекие предки мои,
Россияне — сыны вольнодумства,
В моем сердце доньше горит
Ваш огонь доброты и безумства.

Я листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.

Горе сгинет и смута пройдет,
Даст нам Бог высоты и простора.
Покаянное время грядет,
Русь, Россия — судьба и опора.

Я сын любви, я внук раздора,
Вокруг пустынные поля,
И за пределами простора
Еще просторнее земля.

А за спиной все смято, сжато —
В сундук железный под замок...
Мне новой Родины не надо,
Она одна — как Свет, как Бог.

И я любви своей не скрою,
Не отрекись и на огне.
И все прошедшее со мною,
И все минувшее во мне.

Вновь мировая зреет ссора,
Стою на огненном Крыльце —
Я сын любви, я внук раздора,
Отец и дед — в одном лице.

Как цветок придорожный, поникну
На исходе холодного дня,
Проходящему поезду крикну,
Не услышат в вагонах меня.

Только ветром размытые лица,
В желтых рамах успеют мелькнуть.
Будет пыль над землею кружиться,
Оседая на рельсовый путь.

Оседая на травы степные,
Осыпаясь на плечи и грудь...
Простучали колеса стальные,
Скорый поезд назад не вернуть.

Улетел за седые отроги,
То ли в сказку опять, то ли в быль...
Одиноко стою у дороги —
Оседает столетняя пыль.

ПОГОРЕЛЬЦЫ

Раскатали домишко по бревнышку
И снежком притоптали дымок,
И навстречу студеному солнышку
Покатали свой хилый возок.

Что их ждет впереди за холмами?
Что им темное небо сулит?
Снег тяжелый скрипит под ногами,
Спотыкаясь, собака скулит.

Неизвестность, неясность, тревога
И надежда, что это — пока...
И петляет, петляет дорога —
Будто тянется нить из клубка.

Размотается пряжа не скоро,
И не скоро окончится путь,
У чужого приткнется забора
Этот горький возок отдохнуть...

И живем мы спокойно на свете,
На душе ни тоски, ни вины.
Тянут воз свой российские дети
По дорогам любимой страны.

Из прошлого высвечен сердцем
Нетленный родительский дом,
В нем зыбка с кудрявым младенцем
Качалась под звездным окном.

Осеннее небо пугало
Печальной своей глубиной,
И зыбка пылинкой витала
В тумане меж светом и тьмой.

Казалось, что мир этот хрупкий
Рассыплется вдруг среди дня,
Но женские теплые руки
Всеяли надежду в меня.

И я привыкал понемногу
К пространству за темным окном,
Вначале пять метров к порогу...
А позже покинул и дом.

В пути постигал расстоянья,
Пространство манило, влекло,
И время земного скитанья
Так быстро бежало, текло.

То время подернуто дымкой,
Но вижу за той пеленой,
Как женщина с доброй улыбкой
Склоняется вновь надо мной.

И женские руки в надежде
Ласкают белесый мой чуб,
И я просыпаюсь, как в детстве,
И... «мама!» — срывается с губ.

* * *

Три женщины любимых, три печали
У трех дорог меня всегда встречали.
Три женщины любимых, три огня
От злых напастей берегли меня.
Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле,
За них готов молиться день и ночь —
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.

В. Н.

Вот и вышел намеченный срок,
Приумолкли походные трубы.
С этой женщиной пить бы медок,
Целовать ее сладкие губы.

С этой женщиной век вековать,
Только что мне от века осталось.
Где моя молодецкая стать
И куда моя юность умчалась?

Исходил я немало дорог,
Верил в силу свою и отвагу...
С этой женщиной пить бы медок,
А не горькую, горькую влагу.

Протекли мои годы в песок,
Слишком призрачны были победы.
С этой женщиной пить бы медок
И хмелеть от вечерней беседы.

В этом мире неясных тревог
Я молю всемогущего Бога —
С этой женщиной пить бы медок
До того, до последнего срока.

* * *

Душой ничуть не покриваю,
Когда сравню тебя с Мадонной,
С той недоступной и покорной,
Чей взгляд божественный ловяю.

Душой ничуть не покриваю,
Сказав, что есть на свете чудо,
Средь сумасшествия и блуда —
Святую женщину люблю.

Скажу спасибо сентябрю
За ту, негаданную встречу.
Я новый год в душе отмечу —
Душой ничуть не покриваю.

МОЛЬБА

Храни тебя мой Бог,
Меня — твоя Богиня.
Где движется песок,
Там вечная пустыня.

Где тысячи дорог,
Невидимые взору,
Там движется песок,
Не под гору, а в гору.

Моя судьба, мой рок,
Мираж, с которым спорю.
Там движется песок
К сиреневому морю.

Там движется песок,
Как будто кровь под кожей...
Храни тебя мой Бог,
Да и Богиня тоже.

Под тяжестью твоей огромной боли
Я не согнусь, хоть и былинка в поле.
А ты могуч, руками камни крошишь,
А боль былинки выдержать не можешь.

Н. Рашидова

(Авторский перевод с узбекского)

Эта женщина Востока
Говорит и говорит,
Нескончаемым потоком
Речь, как реченька журчит.

Я слова не разбираю,
Не моя на то вина,
Но я сердцем понимаю,
Что волнуется она.

Что в душе ее тревога,
Что в душе ее печаль.
У нее одна дорога,
У меня другая даль.

Но на миг соприкоснулись
В оглушающей тиши
И на оклик оглянулись
Две былинки, две души.

Рисую осенний пейзаж,
Оранжевой краской рисую.
Сменяется явь на мираж,
Уйти в неизвестность рискую.

Сменяется день на закат,
В рубахе малиновый вечер.
Плывет над землей листопад
И листья щебечут: «До встречи».

До той недалекой поры,
Когда распускается верба
И радужный смех детворы
Взлетает до синего неба...

Рисую осенний пейзаж —
Прекрасный кусочек природы.
И женская прихоть и блажь —
Всего лишь измена погоды.

* * *

...Из той поры до нынешнего дня
Летит, летит: «Не разлюби меня»,—
И готов поклясться на крови,
Я от твоей не отрекусь любви.
Когда вдали забрезжит ливень-свет,
Мы вдруг поймем, что нас уже здесь нет,
Лишь голоса, да отголоски дней,
Судьба твоя растворена в моей.
И потому безудержно любя
И среди звезд я отыщу тебя...

Сколько прошел дорог,
Сколько спалил мостов,
Слишком печален итог —
Много могил и крестов.

Сколько друзей схоронил,
Сына отнес на погост.
Кто из неведомых сил
Сжег этот крохотный мост?

Господи, что впереди,
Пламень в душе или лед,
Молот тяжелый в груди
В ребра безжалостно бьет.

Что же мне делать теперь,
Новые строить мосты?
Двери слетают с петель —
Поле, снега и кресты.

Все, что от жизни возьму,—
Все, уходя, возвращу.
Канув в крошечную тьму,
Всем ли и все ли прощу.

Все ли прощу я себе,
Все ли могу я прощать,
В этой заблудшей судьбе —
Было о чем мне вещать.

Было о чем сожалеть,
Крест свой нелегкий неся..
Мог бы давно умереть —
Без отпущенья нельзя.

Без отпущенья грешно,
Раньше, до Судного Дня,
Всем отпущенье дано..
Нынче простят ли меня?

Сколько потеряно,
Сколько не найдено.
Жил неуверенно —
Счастье украдено.

Времечко сдвинуто
Ветрами зимними,
Душенька вымыта
Белыми ливнями.

Что же осталось:
Дорога нездешняя,
Сердца усталость.
Да грусть безутешная.

Жил бы уверенно,
Зная доподлинно —
Что не потеряны
Совесьть и Родина.

Ниточка тонкая —
Дума заветная.
Жизнь моя горькая,
Жизнь моя светлая.

Утро по полю
Дымкою стелется,
В лучшую долю
Трудно, но верится.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Все сильней, сильнее
Белый снег валит.
К вечеру яснее
Голова болит.

К вечеру сильнее,
Как не берегись!
Глупая затея —
Эта наша жизнь.

Все чужие боли,
И своя к тому ж,
По господней воле —
Я поэт и муж.

По господней воле
Нужен там и тут,
Во широком поле
Чьи-то кони ржут.

Во широком поле
Разгулялся зверь,
По своей-то воле...
Кто готов теперь?

За тебя сразиться,
Пресвятая Русь!
На чело ложится
Мировая грусть.

СОРОКАЛЕТНИМ

...До тридцати поэтом быть почетно,
И срам кромешный — после тридцати...

А. Межиров

До тридцати разбрасывали камни,
Искали чувств глубоких родники.
От слов тяжелых закрывали ставни,
Напуганные правдой земляки.
До тридцати вливали в наши уши
«Святую» ложь, цукали пыль в глаза...
На всю страну кричали наши души,
По всей стране молчали голоса.
Не оправданье — долгое молчанье,
Все это в нашей скажется судьбе.
Но чистых слов прекрасное звучанье
Мы постарались сохранить в себе.
И время нас по-своему вешало,
Нам много лет, но грех нас в том винить.
Мы много передумали сначала,
Чтоб нынче с болью в сердце говорить.
И чистых слов мы не забыли давних,
До сорока сумевшие дожить —
Пришла пора. Мы собираем камни,
Чтоб родники от скверны оградить.

Все больше зимние пейзажи
Рисует мальчик, мой сосед,
И дарит девочке Наташе,
И говорит: «Прекрасный цвет».

Белеет серый лист бумаги
Под кистью юного творца,
Белеют рощи и овраги,
И снег белеет у крыльца.

Белым-бело по всей округе,
Что уместилась в полотне...
И мчит малыш к своей подруге
На белом, белом скакуне.

Рисуй, малыш, все белым цветом,
Пока так чувствует рука,
Пока еще ты с белым светом
Лишь познакомился слегка.

* * *

Задумаюсь над сутью бытия —
Вот дом, огонь и у камина — я.
Задумаюсь над суетою Дня —
Вот дом, огонь., но в доме нет меня.

* * *

В моем лице — морщинки прапрадеда,
В моем лице — улыбки праправнука,
В моем лице — крупинки прапраСвета,
В моем лице — полоски прапраЗвука.
Все собрано по капелькам, крупинкам,
Чтоб будущему в прошлом повториться,
Лицо льстеца, лгуна или творца —
Начало есть и нет ему конца.

Н. Рубцову

Поеду в Сочи отдыхать,
Вот, сэкономлю на зарплате,
Питанье, море, да кровать
И кое-что возьму в прокате...

Поеду, хоть на малый срок,
В родном краю холодновато,
Там с головой уйду в песок —
Сибиряку так мало надо.

Погреть бы косточки свои,
Да кожу белую поджарить,
И на последние рубли
У моря «сфогаться» на память.

Чтоб показать друзьям потом,
Да прихвастнуть чуток при встрече,—
Мол, в море плавал голубом
И жил почти по-человечьи.

Песочные часы. Шуршание песчинок.
Почти не слышен времени уход.
Мир состоит из капелек и льдинок,
Из снежных гор и океанских вод.

Великое и крохотное рядом,
Минутное и вечное — в одном,
В одном сосуде розово-стеклянном,
Заполненном просеянным песком.

Текут песчинки, время отмеряют.
На дно сосуда падают шурша...
И с каждою песчинкой умирает,
И снова возрождается душа.

Неумолимо времени течение,
Судьба — песчинка. Двигается песок...
И смерть полна высокого значенья —
Душе никто не отмеряет срок.

Ночное небо. Холод. Тишина.
Усталый ветер в полудреме стонет.
Любимая, мне нынче не до сна,
Ты спи, а я побуду на балконе.

Я постою тихонько на краю,
На том краю, где разум замирает,
Где душу обнаженную мою
От глаз небесных дымка закрывает.

Где так легко вспорхнуть и улететь,
Шагнув туда, за легкие перила,
Где бродят розно жизнь моя и смерть,
И где душа до этого бродила,

И где потом бродить ей суждено...
На эту землю возвращаясь снова,
Рубить в пространство звездное окно
И ожидать пришествия второго.

Предзимье в лесу. Не зима и не осень.
Безвременье. Снег ли, листва шелестит,
И слышится поскрип, кряхтение сосен,
И небо, как чистая простынь висит.

Предтечь, предвестье чего-то иного,
Чему-то еще замерзать или течь,
Еще не написано первое слово,
Уже отзвучала заздравная речь.

Еще я живу в ожидании чуда,
Еще в преломленьи сойдутся лучи,
И писем, еще не написанных, гряда
Пожаром лесным вдруг взметнется в ночи.

Загадки, разгадки природных явлений,
В предчувствии света — душа распахнись!
Уже промелькнули холодные тени,
Еще зарождается новая жизнь.

Предзимье в лесу. Безотчетность и смуга.
Уже поднебесье темнеет, грозит.
Еще в ожиданьи звенящего утра
По мокрым дорогам поземка скользит.

Голову на плаху положу,
На сучок древесный погляжу...
Гикнет, ахнет весело палач —
Разнесется по деревне плач.
Горлом хлынут гуакие слова,
Застучит по склону голова,
С той горы, что Лобною зовут,
Бренные останки унесут.
А потом устроят правый суд.
На тот суд округу соберут —
Не виновен, скажут, был мужик...
А точило вжик, себе, да вжик,
А топорик стук, себе, да стук —
Крепок в плахе этот самый звук,
Да и плаха вроде бы крепка,
И, топор держащая рука.
Не работа, а «искусство» рук...
Головы невинные секут.
Что там думать, проще — топором,
Разберутся, дайте срок, потом.

Распутица, сумятица и слякоть,
Храп и стенанье взмыленных коней,
О Родине не только петь и плакать,
Еще и думать надобно о ней.

Истерзанные русские равнины,
Могилы предков пылью занесло.
Добро бывает часто без причины,
Осмысленным бывает чаще зло.

И потому мне больно и тоскливо,
Мотивы зла понять я не могу.
Два берега. Жизнь, как река, бурлива
И на каком остаться берегу?

Распутица. Тащу сапог из глины,
Сезон осенних проливных дождей,
Заезженные русские равнины —
Храп лошадей и — взмыленных людей.

Творение, забвение, хаос —
Тащу и я свой непосильный воз.
Скольжение, падение, подъем —
Родившись в муках, в муках и живем.
Сомнение, затмение и... свет —
Звездой падучей обозначен след.
Смирение, течение судьбы —
Все чаще лбом в бетонные столбы.
Падение, горение и... мрак —
Все было так и, видно, будет так.
И пусть горька и беспощадна жизнь —
Я говорю судьбе: «Не суетись!
Не торопись, не подгоняй года —
Еще горит, горит моя звезда».

* * *

Когда сменяются цари —
Один другому петлю вяжет,
Пока погода, до зари —
Мужик с молитвой поле пашет.

Когда спибаются вожди —
Один другому яму роет,
Пока не грянули дожди —
Мужик соломой избу кроет.

Когда грозятся небеса
И над землею гром грохочет,
Гуляет по полю коса —
Мужик о будущем хлопочет.

Громко крикну, в ответ отзовется
Голос мой из ночной тишины,
Слово доброе добрым вернется,
Злое — злым отлетит от стены.

И ударит больнее больного,
И тогда вдруг, поймем, что творим.
Бумерангом становится слово,
Возвращаясь к истокам своим.

В этом мире всему есть начало —
Жизни, слову и добрым делам...
Слышу — птица в ночи прокричала,
Что-то крикнула коротко нам.

Как же ей не ответить, пичуге?
Может, голос мой зло отпугнет,
Или чьи-то жестокие руки
В этот миг от нее отведет.

Ну, а может, такое случится:
Заблужусь я в пространстве ночном —
Громко крикнет знакомая птица
И дорогу укажет крылом.

80-е годы
«ДОРОГИ,
ДОЛГИЕ ДОРОГИ»

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

Забываем: кто мы и откуда
Наши корни, стволы и листья?
Не рассыпать среди страшного гуда
Наших предков святые слова.

Не рассыпать среди грохота пушек,
Как шуршит и метет листопад.
Вновь глаза сердобольных старушек
На восход боязливо глядят.

Что взойдет там за серую далью?
Что так долго в округе темно?
Воздух поанится пылью и гарью,
Черный ворон стучится в окно.

Слова дети уходят на битву,
Унося свою душу и плоть,
Вслед читают старушки молитву:
«Сохрани и помилуй, Господь!»

Не убий и убитым не будешь,
Не кради у голодного хлеб,

Если заповедь эту нарушишь —
Разорвется сплетенье судеб.

Все вы нам одинаково любы,
Погоди же, сыночек, погоду, —
Тихо шепчут старушечьи губы, —
Сохрани и помилуй, Господь!».

ТОВОЛЬСК, 1989

Подгорный город. Вет старинной
От деревянных рубленых стропил —
За древнею, кремлевскою стеной,
Как призрак бродит позабытый гений.

Он по утрам звонит в колокола,
Но этот звон не каждый в мире слышит.
Колокола? — пустые купола
И временем простреленные крыши.

Внутри соборов... Господи, прости!
Не дай мне впредь узреть еще такое!
Неужто честь сегодня не в чести,
А совесть в состоянии покоя...

Глядят церква глазами эпох.
Тяжелый взгляд на мне остановился.
Не по себе мне — будто смотрит Бог.
Немой вопрос: а ты зачем явился

В подлушный мир — творить иль разрушать?
И что уже ты сотворил на свете?..
Глядит в окно стареющая мать.
Глядит, глядит и что мне ей ответить?

По часовой, по часовой
Вращается процеллер.
И душу леденящий вой
Подхватывает ветер.

По круговой, по круговой
По вековому счету
Ворочается шар земной,
Расплескивая воду.

По верстовой, по верстовой
Мороз-наждак по коже.
Стрелою жизнь по часовой —
В обратную не может.

По часовой, по верстовой
То смех, то плач, то жуткий вой.

* * *

Гул затих. Я вышел
на подмостки...

Б. Пастернак

Я играл трагическую роль,
Падал на разбитые колени,
И принцесса плакала на сцене,
Но на сцене властвовала король.

Я играл трагическую роль,
Погибал, как водится, в финале,
Но меня с подмостков поднимали —
После смерти кааняться изволь.

Я вставал и говорил: «Позволь!
Сколько мне играть такую роль».
Поддивали в кубок мне вино:
«Воскресать не каждому дано».

Я играл трагическую роль —
Где моя, а где чужая боль?

МОНОЛОГ РЕБЕНКА, ПОГИБШЕГО ОТ ГОЛОДА

И падо ж было мне родиться
В голодном, вымерзшем году —
Прийти. Увидеть заые лица
И снова кануть в темноту.

И снова ждать тысячелетья,
И к свету вновь искать пути,
Но дай мне Бог — не в лихолетье,
А в год достатка в мир прийти.

И дай мне Бог не заблудиться —
Вернуться к вам сквозь смерть и тьму,
Увидеть ласковые лица
И улыбнуться самому.

И дай мне Бог умом постигнуть,
Что этот мир не так уж плох,
И дай по имени окликнуть,
Хотя бы раз, тебя, мой Бог.

ПАМЯТИ СЫНА

I

Осиротел мой дом,
Душа осиротела,
Лишь тень в углу пустом
От маленького тела.
Тяжелый скрип **дверей**
И пропавших звуков — звуки...
Я глажу тень кудрей
И вздрагивают руки.
Я слышу пустоту
И звон пустой посуды.
Уходят в темноту
Пропавших дней минуты.
Я слышу их шаги,
Они все глуше, глуше
И тень моей руки
Меся за горло душит.
Пунктирный след во мгле
И ничего нет кроме...
И пусто на земле,
И пусто, пусто в доме.

II

И замер день, и вечер не настал,
В снегу следы — из никуда дорожки.
И капелька дождя, зжатая в кристалл,
Никак не тает в крохотной ладонке.

Печаль моя, моя любовь, мой сын,
О, сколько звезд лежат в моей ладони.
А я один, среди людей один,
Куда идти? В округе ветер стонет.

Вернуться в дом? Тебя уже там нет,
А во дворе в снежки играют дети
И дворник хмурый разгребает след —
Твой след, сынок, на этом белом свете.

Прости, малыш, безумный этот мир,
Его не в силах я переименовать.
Мой дом отныне одинокий и сир,
А мир сместится, непогодит, плачет.

Прости, сынок, за все меня прости,
Моей душе нести такую пошлость,
Моей душе такую боль нести...
Я эту тяжесть до конца не сброшу.

А. Киткову

Хороним мальчишек своих,
Любимых мальчишек хороним.
Наотмань бьет судьба под дых
И мы от боли адской стоим.

Какая сила держит нас?
Тебе и мне пред кем вишиться?
Вокруг метели — дикий пляс
И чей-то плач, и чьи-то лица.

Пред кем колени преклонить,
Кого просить, кому молиться?
Но поздно, поздно — рвется пить
И пет узла, чтоб зацепиться.

Чтоб удержать в руках ту пить...
Скользит, скользит меж пальцев время.
И как теперь нам дальше жить,
И как нести такое бремя?

За что же, господи, за что?
Ответа нет, и не дожидаться...
В прихожей к детскому пальто
Мое пыгается прижаться.

С горем смириться нельзя,
С радостью можно поладить.
Трудная эта стезя —
В путь мой уложена память.

Только ступаю на порог,
Плачет земля подо мною.
Если б увидеть я смог,
Что за мою спиною.

Кто за мою спиною
Шепчет о чем-то невнятно?
Ливни сплошною стеной —
Нету дороги обратно.

Память, лишь память одна
Шепоты ловит и звуки.
В прошлое шаг и... стена
Ткнется, ударится в руки.

* * *

Есть светлые, есть темные стихи.
В одних — наивность, а в других — грехи.
Мир поделен на темноту и свет
Иных, поверьте, сочетаний нет.
Мне возразят: а полумрак еще
И полусвет ты не берешь в расчет.
Полутона и есть полутона,
В них только часть от целого дана.

Опять несет меня волна,
И так вся жизнь течет волнами,
Я заплатил за все сполна
Любовью, кровью и словами.

За все заплачено, и все ж
Кровоточит сквозная рана,
И пуля — в тело, в душу — ложь
Из одного летят нагана.

Земля моя, мой отчий дом,
Я знаю жизни этой цену.
Земля кругла, но за углом
Вновь чей-то глаз прильнул к прицелу.

Ходил, бродил по свету,
Все подбирал по цвету:
Рубаху, женщину, пиджак.
А вслед кричали: «Вот чудаки,
Ему не нравятся цвета!
И то — не то, и та — не та.
Неповторимый ищет цвет,
Его, быть может, вовсе нет».
Я улыбался им в ответ —
Нашел единственный тот цвет.
Не зря бродил по свету —
Все подобрал по цвету:
Улыбку, волосы, пальто
И эта — та, и это — то.

КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ «ИЗ ЦИКЛА»

1

Дом. Окно. Задернутая нитора.
На пол сброшен ситчик голубой.
Ты меня забудешь очень скоро,
Я тебя забуду очень скоро,
А потом забудут нас с тобой.

А пока целуй меня, красотка,
А пока, бедовая, пляши,
У меня в кармане полусотка,
На столе шампанское и водка,
Что еще нам нужно для души...

Кончен бал, распахнуто окошко,
Что не так, как водится, прости,
Для меня ты алсковая конка,
Для тебя я Борька или Гошка...
Все равно. Пора уже идти.

2

Разъезжаются, конец сезон,
Не должно быть для грусти причины.
Скоро, скоро в объятия **жен**
Попадут удалые мужчины.

Вот уже в чемоданы летят
Полотенца, носки и пижамы...
На вокзале с рассвета стоят
В карауле курортные дамы.

Провожать они вышли «своих»,
Хоть и временных, все же хороших,
Ни судить, ни оправдывать их
Не могу, да и вряд ли кто сможет.

Разъезжаются, кончен сезон,
Проводницы в вагонах судачат..
Покидая дождливый перрон,
Одинокая женщина плачет.

Наши судьбы так долго блуждали,
Средь никчемной земной суеты.
Где мои долго мысли витали?
Где бродила, задумавшись ты?

По дорогам бетонным и пыльным,
По проселкам, по трактам стальным,
По распадкам, по травам ковыльным
Мы дышали дыханьем одним.

Как же долго, о боже! Как долго
След топтало ворье-воронье,
Среди бабьего спора и толка
Я услышал вдруг имя твое.

Я услышал, узнал и поверил
Предсказаньям, счастливой судьбе.
Сколько верст по дорогам измерил,
Чтоб тебя отыскать на земле.

И теперь вот стою на пороге,
Двери настежь — свершилось, сбылось.
Две судьбы, две звезды, две дороги —
Все в понятия едином слилось.

Не лги себе и ближнему не лги,
Ложь, как болото, заведет, затянет,
От пустозвонства душу береги,
Во лжи душа невольницей завянет.

Понять себя и ближнего понять,
Найти слова и в радости, и в горе...
Не торопись друзей своих менять,
Лишь потому, что с ними в краткой ссоре.

Вначале душу выслушай свою,
А мысли придержи, чтоб не мешали.
Не лги другим,— себе я говорю,—
Чтоб и они в ответ тебе не лгали.

* * *

Светлое слово «люблю»,
Теплое слово «жалею».
Горькое слово «терплю»,
Грустное слово «старею».

Страшное слово «умру»,
Жуткое слово «забвенье»,
Доброе слово «дарю»,
Вечное слово «рожденье».

Вот и вытолкал воз на дорогу
И куда эту рухлядь теперь?
Повернулся спиною к востоку,
За спиною заплакала Дверь.

Оглянуться, вернуться? Нет мочи...
Слышать жалобный поскрип петель.
Впереди кто-то дико хохочет,
То ли зверь, то ли ведьма-метель.

Кто? Когда? По космическим фазам
Бытие приукрасил мое?...
Оглянуться, примериться глазом
И пустить поточнее копые,

Чтобы выбить из прошлого разом
То, что сердце бедой обожгло.
Для чего человеческий разум:
Чтобы помнить добро или зло?

Память жилкою каждою бьется,
Не забыть мне родимых имен,
Крикнешь — эхо тебе отзовется
Из далеких, далеких времен.

Нет и не было вешего слова,
Чтобы с прошлым расстаться легко...
Впереди — повторенье былого,
Позади — ожиданье его.

Поплачь душа, быть может, легче станет.
Забудь обиды, горести забудь,
А этот день — он также в бездну канет
И там продолжит бесконечный путь.

И в круге том, где вечное движенье,
Где каждый миг во времени весом,
Земного ветра теплое теченье
Напомнит вдруг о прожитом, былом.

...И этот день, что близится к закату,
И эту боль, что так волнует грудь,
Прими душа, как высшую награду,
Поплачь душа и... просветлится путь.

Я в той поре, когда слепая мудрость
С прозрением юным на одних весах
Моих одежда изысканная скудность
И грусть необъяснимая в словах.

Я в той поре, когда мечтают скупю,
Не пряча, не смущаясь седины,
Я в той поре, когда сердиться глупо
На нелюбовь с любимой стороны.

Я в той поре, когда все муки ада
Мне не страшны, я их познал уже,
Когда вкусил я спелость винограда
И от того так благостно в душе.

Я в той поре, когда бунтует разум,
И не сдержать, и не унять его...
Я в той поре, когда всё нужно сразу,
А по частям не надо ничего.

Заклубилась дорога степная,
Не видать горизонта вдали.
Русь моя, моя жизнь зоревая,
Где, скажи мне, зарницы твои?

Вдоль дорог лишь полынь да осока,
Ветер воет протяжно во мгле...
Овдовела ты, что ли до срока?
Не видать мужиков на земле.

Так за что же такая нам доля —
Сирый дом на сиротской меже,
Да бурьяном заросшее поле,
Да заглохшая песня в душе?!

Дороги, долгие дороги —
У каждого своя стезя,
Разлуки, горести, тревоги —
Как будто бы без них нельзя.

Две колеи по бездорожью,
Да эхо гулкое в ночи,
Меня пронизывает дрожью
Мерцанье гаснущей свечи.

Скользит огонь неудержимо
И тает, тает вдалеке...
И Свет любви нерасторжимой
На этом тонком фитильке.

И след любви необъяснимой
Во тьме отыщется... И вновь
К душе измученной, ранимой,
Как божий дар придет Любовь.

* * *

Глаза в глаза, застыли в ожидании,
Молчит мой друг, и я молчу в ответ.
Так много слов спрессовано в молчанье,
Прорвись оно — оглохнет белый свет.

Глаза в глаза, молчим, не все же сразу...
По одному нам надо говорить.
Я тишиной наполненную вазу
Боюсь случайно на пол обронить.

АЛЕША. БЛАЖЕННЫЙ АЛЕКСЕЙ

Он все ходит и ходит по кругу,
В этом круге его благодать.
Он из круга протянет мне руку
И шажками по кругу опять.

Этот путь, предначертанный свыше,
Он безропотно, видно, пройдет,
Он слова мои вряд ли услышит,
А услышав, навряд ли поймет.

Он все ходит по кругу и ходит,
Тихо, тихо — не слышно шагов
И из круга его не выводит
Даже время таинственных снов.

Он во времени будущем где-то,
Или в прошлом, поди разберись.
Он как капелька белого Света,
А вокруг его мрачная жизнь.

Всё больше зимние пейзажи
Рисует мальчик, мой сосед.
И дарит девочке Наташе,
И говорит: «Прекрасный цвет».

Белеет серый лист бумаги
Под кистью юного творца,
Белеют рожи и овраги,
И снег белеет у крыльца.

Белым-бело во всей округе,
Что уместилась в полотне...
И мчит малыш к своей подруге
На белом, белом скакуне.

Рисуй, малыш, все белым цветом,
Пока так чувствует рука,
Пока еще ты с белым светом
Лишь познакомился слегка.

Пересеклись пути-дороги,
Со всех концов в одну сошлись,
Мои сомненья и тревоги,
Как явь и сон переплелись.

Давно все было, да не сплыло,
Быльем-пырьем не поросло —
И я любил, и ты любила,
И лето красное цвело.

А нынче свет слегка притушен
И краски смешаны уже,
Но холодами не остужен
Любовный жар в моей душе.

Осенний день. Прохладный иней
Плывет по скошенным лугам...
На перекрестке зримых Линий
Стоит незримо Летний Храм.

Там ветер птицею воркует,
Там старый немощный старик
Скупыми красками рисует
Благословенный женский лик.

* * *

Всем нам по-божески дано:
Кому вина, кому вино.
И мне под солнцем и луной
Хватило бы вины одной,
Хватило бы глотка вина,
Чтобы понять, что жизнь одна,
Мы все, наверно, рождены
С сознанием счастья и вины.
Да только доля не равна:
Кому — вино, кому — Вина.

РУССКИЙ МОТИВ

Белая, белая дымка,
Воздух морозный горчит,
Утром — туманно и зыбко,
Грустная песня звучит.

С веток дымящийся иней
Медленно падает вниз,
В этой печальной картине
Русская видится жизнь.

Нету на свете чудесней,
Спящих под пологом нив —
В тихой, задумчивой песне
Слышится русский мотив.

Тапжит лошадка понуро
Скрип одиноких сапей —
Грустно. Но это с природы
Родины милой моей.

Зимняя стынет дорога,
Ниточки — две колеи.
Вера дана нам от Бога,
Верность — от русской земли!

* * *

Какая красная рябина,
Какие злые холода —
Вполне сибирская картина,
Зима стучится в города.

Притихли улицы и парки,
Морозный воздух режет дым,
А мне тепло в объятьях жарких —
Я поздней осенью любим.

На два узла, на два узла
Судьба моя завязана.
Где меньше зла, где больше зла,
Куда идти заказано?
Кого любить, кого забыть —
Все в памяти уляжется.
Из слов невидимая нить
Все вяжется и вяжется.
Сплетая в толстые клубы,
Натрудишься, намасишься.
Ни от сумы, ни от судьбы,
Ни от себя не спрячешься.
То франтом введешь на коне,
То вдруг в пути заблудишься,
То истину найдешь в вине,
То в полусне забудешься.
То время вдруг покатит вспять
И шар земной покатится,
И крик, и стон, и все опять
Не сном, а явью станется.
И в мире том, где без числа
Невинных душ загублено,
На два узла, на два узла
Судьба моя разрублена.

* * *

Отремонтировали дом,
Вновь поселились в доме том —
Ребячий смех и женский плач,
Сверчок-зануда, хоть скрипач,
Два лебедя, ковер, рска,
Да пьяный голос мужика...
Отремонтировали дом —
Но все как прежде в доме том.

* * *

Вырыл колодезь глубокий,
Хлебное поле полил,
Избу срубил у дороги,
Песню об этом сложил.

Вышел в открытое поле,
Долго в раздумьи бродил,
Выкрикнул: «Вольному — воля»
И... в кабалу угодил.

* * *

Шампанское куплю и шоколад,
Возьму улыбку в цирке напрокат,
Приду к тебе, шампанское на стол —
Пора кончать бессмысленный раскол.

Раскол в стране и кавардак в дому,
Давай тебя я лучше обниму,
За камельком обнявшись посидим,
Любовь — огонь, все остальное — дым.

* * *

Улягутся страсти-мордасти,
Прижмусь я легонько к плечу —
В твоей я, любимая, власти
И власть отбирать не хочу.

Хочу я лишь самую малость,
Печальной лирой звеня —
Дай Бог, чтоб у власти осталось
Немного любви для меня...

Ночь. За окошком лишь блики огня,
В комнате душно и тесно.
Женщина та умерла для меня,
А для других воскресла.

Серые тени на белой стене,
Будто картины былого,
Светлым пейзажем мелькнули во сне
И затуманились снова.

Вспомнить пытаюсь, никак не могу
Дату прошедшего года,
Женщина там, на другом берегу
Мечется в поисках брода.

Я никого в этом мире не жду,
Сердце устало от боли,
Будто во сне я по полю бреду,
Снится мне белое поле.

Белая вьюга, два белых крыла
Крутят зеркальное кресло...
Женщина эта для всех умерла,
А для меня воскресла.

Уезжаю с ночного перрона,
Улетаю в продрогшую ночь.
Через два или три перегона
Боль-обида отцепится прочь.

Через два или три перегона
Что-то вдруг повернется в судьбе —
Проводница седьмого вагона
Мне постельку постелит в купе.

Провалюсь и забудусь надолго
С мыслью доброй о прожитом дне.
Будет верхняя жесткая полка
Мне периной казаться во сне.

Будет женщина долго мне сниться,
И под стук монотонных колес
Промелькнут позабытые лица,
За спиною обрушится мост.

Проводница седьмого вагона
Мне чужую судьбу не пророчь...
Уезжаю с ночного перрона,
Тихо-тихо баюкает ночь.

ПОДРАЖАНИЕ ЕСЕНИНУ

Так и хочется осенью плакать навзрыд,
Или лезть в сумасшедшую драку,
Проклиная в сердцах неустроенный быт,
И жалея себя, бедолагу.

Так и хочется осенью пьяному вдрызг
По разлитым, расплесканным лужам...
Где земля — не земля, а крутящийся диск —
В этом круге лишь ветер да стужа.

Так и хочется осенью новой весны,
Отогреть бы озябшие души,
А пока я хожу от стены до стены —
Никому в этом мире не нужен.

ДРУГУ

Выпьем немного вина,
Выпьем, дружище, немного,
Что-то опять не до сна —
В сердце немая тревога.

Что-то случилось, мой друг,
Будто призвали к ответу,
Выпало счастье из рук
И покатилося по свету...

Яблоко «белый налив»,
Зернышко, словно сердечко —
Что ж мы, вина пригубив,
Не проронили словечка.

Что ж мы, вина пригубив,
Снова молчанию вторим,
Где же наш светлый мотив
В мире страданий и горя...

Выпьем немного вина,
Что еще нам остается,
Или давай, друг, до дна —
В песне дуппа отзовется.

* * *

Пей до дна, да пей до дна —
Дна не видно у вина,
Нет границы у вины,
Бродят по свету сыны
Не здоровы, не больны —
В злые сны погружены.
Водит сонных сатана,
Подливает им вина,
Пей до дна и пей до дна —
Там твоя беда видна.

* * *

Вот и выпала стезя —
Можно б лучше, да нельзя,
Можно б хуже, да негоже —
Хоть один денек погожий
Мне подарен был судьбой —
Целый день вдвоем с тобой,
День — лишь капля бытия,
Вечность светлая моя.

* * *

Я недругов прощаю
И как их не простить!
Не знают, что вещают,
Не ведают, как жить.

Я недругов прощаю,
Пошло бы только впрок,
Любить не обещаю —
Я сделал все, что смог.

* * *

Вечереет, гляжу на закат
И для грусти не вижу причины,
Тихо-тихо волнуется сад,
Утро дремлет на ветках рябины.

В сонных листьях колышется свет.
Будто вечность, мгновение длится,
Через сотни и тысячи лет
Этот свет будет также струиться.

Будет также звенеть листопад
И тропинка шуршать под ногами...
Догорает осенний закат —
День и ночь, свет и тьма между нами.

ЗАКЛИНАНИЕ

Не было женщины первой,
Дай хоть последнюю, Боже!
Пусть она будет неверной,
Но на святую похожа.

Пусть она будет такою,
Что ни пером и ни строчкой...
Звон-перезвон под дугою,
Брови дугой под платочком.

В путь по дороге старинной,
Камнем булыжным мощенной,
Пусть она будет любимой,
Пусть она будет прощенной.

Пусть она будет, и... точка.
Танец сыграйте нам парный,
Губы, как два лепесточка,
Личико — свет лучезарный.

Грешная или святая
В мир мой войди одипокий...
Господи! Снова светает —
Путь мой далекий, далекий.

Эта женщина моя,
Эта женщина чужая.
За далекие моря
Я сегодня уезжаю.

Нет начала, нет конца —
В середине кто-то скажет,
Эта женщина с крыльца
Мне рукою вслед помашет.

Те далекие края
Для меня кусочек рая,
Эта женщина моя
И немножечко чужая.

Этой женщине одной
Предначертано судьбою
Быть со мной и не со мной,
Быть собой и не собою.

Эта женщина одна
И печаль моя и радость.
Чаша горького вина
В этой жизни мне досталась.

Пью, но полнятся края,
Пью и пью, не понимая..
Эта женщина моя,
Эта женщина чужая.

* * *

Ревностью к тебе переболел,
Ненавистью к Вам переболел.
И к тому, что будет с Нами впредь,
Мне любовью не переболеть.

РАЗМОЛВКА

Любимая, зажги свечу,
Нелегко путь обратно.
Вернусь, присяду, промолчу —
Ведь все без слов понятно.

Простую истину толочь,
Немного в этом смысла,
В календаре то день, то ночь
И... числа, числа, числа.

Дрожит огонь, дрожит свеча,
Бегут по стенам титры.
Сегодня, милая, ничья —
Оставим наши игры.

Оставим игры на потом,
Успеем в роли вжиться!
Уже светает за окном —
Пора и спать ложиться.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО МУЖА

Ты на мне поставишь крест,
Скажешь: «Бог тебе подмога».
Я уйду из этих мест,
Слава Богу, есть дорога.
Слава Богу, дотемна
Доберусь до той деревни,
Где красивая жена
Распахнет мне настежь двери.
Запах вьющихся волос:
«Где ты был так долго, милый?..»
И на следующий вопрос
У нее не хватит силы.
На руках внесу в наш дом,
Где по-мужнему веленью
Все исполнится потом,
Будет грешному прощенье..
Сердце ласково стучит,
Боль-обида затихает..
Только слышно, как в ночи
Дом бревенчатый вздыхает.

Осенняя трава —
Цветов увядших сад.
Все новые слова
По-старому звучат.

Ревнуй тут, не ревнуй —
Забыты стыд и страх.
Осенний поцелуй,
Как сахар на губах.

Как сладкое вино,
Что так легко пьянит.
А горький сок давно,
Давным-давно испит.

И понимать теперь
Мне больно, милый друг,
Бессмысленность потерь,
Осмысленность разлук.

Осенних дум пора —
С судьбой наедине.
Как долго до утра,
Как тихо в тишине.

Женщины, любимые, простите,
Тяжко мне на этом берегу,
Из сетей меня вы отпустите —
Дайте волю, волю мужику.

Отпустите, долго не грустите,
Грусть, как птица, выпорхнет в окно.
Женщины, любимые, простите!
Я ведь вас простил уже давно.

Женщины, любимые, простите
Я грехи на воле отмолю..
Что вам трудно, что ли? Отпустите
Душу покаянную мою.

Ей гулять, резвиться на просторе
Слишком мало в юности пришлось.
Сети, нети, в них — любовь и горе,
Все смешалось, все переплелось...

Вновь целую трепетную руку,
Я не знаю, что произойдет.
За любовь, за встречу, за разлуку
Вы меня простите наперед...

Я выпил море или два,
Припомнить трудно —
Болят с похмелья голова,
Где ночь, где утро?

Где тайный ход на небеса,
Где даром зелье?
Гляжу в лукавые глаза,
Как в подземелье.

Дробятся буквами слова
И мысли дробью.
Клонится к свету голова,
Тень к изголовью.

Крадется белая луна
По раме гнутой,
Как много выпито вина
И боли лютой...

Вновь плещет море-океан
О берег людный,
По кругу носится стакан —
Бесенок блудный...

СТАРОЕ ФОТО

Сидят задумчивые тени,
От бабы Дуни, дяди Вени.
Сидят на лавочке, в тени —
Давно в прошедшем эти дни,
Давно в прошедшем тень от дома...
Жизнь — это спор, смерть — аксиома.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Все кружит белая метель
Который день, который день...
Который день над дымкой рек
Витает прошлогодний снег.
Метет метель или пурга —
Избушка, печь да кочерга.
В печи огонь, едва живой,
Стучится путник на постой,
В окне огарочек свечи,
Как искра божия в ночи,
Как зябкий образ бытия...
И в этом мире где-то я.
И по земле метет, метет
Который день, который год...

Было тогда все, как помнится, проще —
Мы целовались в березовой роще,
Мы целовались в укромном местечке...
Звуки сливались в тугие колечки.
Шорохи листьев, шуршание ветра —
Музыка старого, старого ретро.
Сколько воды с той поры убежало,
Как бы хотелось начать все сначала.
Первые встречи и первые слезы.
Первые ливни и первые грозы,
Машет крылом перелетная птица,
Будет еще это долго мне сниться,
Сердцу услада и сердцу утеха —
Первых свиданий далекое эхо.

ЗИМНИЙ РОМАНС

Личико круглое, щечки румяные,
Кто это в гости ко мне?
Дни мои смутные, ночи обманные.
Что-то приснилось во сне.

Видно, пригрезилась юность далекая,
Девочка птицей летит...
Жизнь моя буйная, жизнь моя строгая —
Ветер листвой шелестит.

Время пристыло ледком у парама,
Холодом веет с небес,
Спит до весеннего первого грома,
Снегом укутанный лес.

В зимней сторожке душе одиноко,
Путник чуть виден вдали...
Светлая, снежная снится дорога,
Где-то у края земли.

Личико круглое, щечки румяные,
Кто это в гости спешит...
Дни мои светлые, ночи желанные —
Ветер в окошко стучит.

Простуженная высь —
«Вернись, вернись, вернись»,
Пронзительная тишь —
«Услышь, услышь, услышь».
Как выстрел холостой —
«Постой, постой, постой».
Как больно давит грудь —
«Побудь, побудь, побудь».
Как будто невзначай —
«Прощай, прощай, прощай...».

Давайте целоваться,
Пока горит звезда —
Как страшно расставаться
Надолго, навсегда.

Как страшно, Боже правый!
Вдруг потеряв покой,
Покинуть берег правый
И не найти другой.

Нечаянно сорваться
В бурлящий водопад —
Давайте целоваться,
Пока горит закат.

Пока судьба и воля
Меня от бед хранит,
Пока земная доля
Меня не тяготит,

Пока еще я с Вами,
Пока я Вас молю —
Словами и губами:
Люблю, люблю, люблю...

Давайте целоваться
У моря на ветру —
И жить, и удивляться
Друг другу поутру.

* * *

Гуляют вьюги, вновь зима
Сошла, наверное, с ума —
Стучится посохом в окно
Горчит крепленое вино,
За перекошенным столом
Сижусь один и пуст мой дом,
И пусто, пусто во дворе,
Но есть вино еще в ведре...
Допью, хоть горькое оно
И настежь распахну окно,
Возьмет в объятия зима
Меня, сошедшего с ума.

Не знаю, не знаю, не знаю,
Хоть знаю так много уже..
Тебя от груди отнимаю
И что остается в душе.

И что остается снаружи,
Вокруг пустота, пустота
И бродят прозрачные души,
И боль их ясна и чиста.

Качается тополь ветвистый
И движется, движется тень,
Летят перелетные листья,
То в ночь опускаясь, то в день.

Не знаю когда возвращаться
На землю нам вновь суждено..
Но время торопит прощаться
И выбора нам не дано.

ВЕЧЕРНЯЯ ДУМА

Вот и роща поредела,
Просветасли даль и высь —
Время сжато до предела,
До предела сжата жизнь.

Незаметными проходят
Год за годом, день за днем,
Вот и вечер на исходе
И — «гори оно огнем»

Время глупостей крошечных,
Время выдумок пустых,
На земле так много грешных,
Нету места для святых.

В темном небе месяц светит,
Слышен шелест камыша
И во сне о счастье бредит,
Бредит русская Душа.

Где чувства старые, где новь,
Живу не ведая —
Моя последняя любовь,
Как будто первая.

Где чувств губительный обвал,
Не знаю, милая,
Но свой последний перевал
Еще осияю я.

Хвалу всевышнему воздам,
Замру над пропастью,
К твоим нетронутым губам
Приникну с робостью.

И снова лето, день за днем
Покатит в прошлое —
Гори любовь моя огнем,
Гори киношная...

За летом красным будет вновь
Пора осенняя —
Моя последняя любовь,
Моя последняя.

ДОМА

Снова войду в эту низкую дверь,
Звякнет щеколда, запрыгают руки,
Будто и не было горьких потерь,
Будто и не было долгой разлуки.

Будто и не было долгой зимы,
Много пришлось мне скитаться,
Бог уберег от тюрьмы. От сумы
Так и не смог отвязаться...

Сказала, что вышла на миг,
Сто лет с той поры пролетело...
Исчез под водой Материк,
И память, как платье, истлела.

Сказала: вернусь, подожди,
Куплю только в булочной хлеба —
Давно испарились дожди,
От зноя потрескалось Небо.

Остался лишь в памяти лик,
Живу, новый день ожидая...
То солнце проглянет на миг,
То капля падет дождевая.

Живу, по чьим-то меркам, долго
Пред всеми и собой в долгу,
Не знаю с толком ли, без толка
Я в ступе истину толку.

Живу! И радуюсь, и плачу,
Уставший от земных потерь,
Еще надеюсь на удачу,
Что стала редкостью теперь.

Чужая ноша давит плечи
И под ногами гнется лед,
А жизнь идет: то чет, то нечет,
Короче, черт не разберет, —

В каком году, в каком столетьи
Я прозябаю на ветру.
И так темно на белом свете,
И неуютно так в миру,

Где бесконечными ночами
Я умираю и живу —
То в бездну падаю очами,
То взгляд бросаю в синеву...

Душа, напомни о себе,
Как Солнце после долгой ночи,
Как Свет в зашторенной судьбе,
Как Слово после многоточий...

Как Лик святой на полотне,
Среди других неповторимый,
Душа, напомни обо мне —
Мой единственной, любимой.

Душа на зов мой отзовись,
Меня, заблудшего, вдруг вспомни,
И прикоснись, и прикоснись
К неммым устам и... Слово молви!

ПЕРЕД БИТВОЙ

Я вышел сегодня из дома
Часов то ли в пять, то ли в шесть —
Морозно дымилась солома.
Кустарников дыбилась шерсть.

Была, видно, поздняя осень,
А впрочем, так виделось мне.
Часов, может, семь, может, восемь
Я шел по колючей стерне.

Деревьев прозрачные тени
Летели и падали ниц,
И дали в округе темнели,
Не слышалось пения птиц.

Как будто, уставшее время
Сменялось на время другим...
И всадник подтягивал стремя,
И целился взглядом тугим.

Сыну Евгению

Что в мир подлунный мы несем,
Любовь ли к ближним, Божью ль милость?
Такая временность во всем,
И одуванчиков пугливость.

Стыдливость осени. Все здесь,
Все до последнего предела.
И здесь впервые «Даждь нам днесь»
Душа счастливая пропела.

Здесь легкий шелест ветерка
С холмов бледнеющих стекает,
И все таинственно пока,
Пока душа того желает.

Шагну и выйду за порог —
Там, где простор все шире, шире —
Земля рассветная и... Бог!
И все сначала в этом мире.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Слова поставь хоть так, хоть сяк —
Все сущее от Бога!
И если твой запас иссяк,
То помолчи немного.

Дождись, дождинками с небес
Вновь заблестит дорога...
И оживет притихший лес —
Все вечное от Бога!

ИСПОВЕДЬ ПОЭТА

Ни рубля в кармане не имею,
И в копилке тоже не звенит,
И живу на свете, как умею,
Как умсю, как душа велит.

Как душа родименькая просит,
А другая, близкая, корит:
«Где тебя, по белу свету носит,
Чем детей ты думаешь кормить».

Ничего я против не имею,
Козырнуть бы, да вот нечем крыть,
Видно, жить на свете не умею..
Не умею, что тут говорить.

Осенний дождь умоет город,
Отмоет мрамор и гранит.
И незаметно зимний холод
По переулкам заскользит.

По переулкам, закоулкам,
Что так безлюдны и пусты,
И заскрипят в пространстве гулком
Дома, деревья и мосты.

И тротуаров скрип бессонный,
Скрип заблудившихся шагов.
И выдох проруби бездонной,
И гул искрящихся снегов.

Всему свои земные сроки —
Легка ли, тяжела ль сума...
И замедляет вновь дороги
С небес сошедшая зима.

90-е годы
«РУССКИЙ МОТИВ»

* * *

Мне не нравится эта погода,
Мокрый снег обметаю с лица.
Непокорное слово «Свобода»
Отливают всегда из свинца.

На исходе холодного лета
Вдруг закружит, завьюжит пурга...
Это горькое слово «Победа»,
Потому, что цена дорога.

Но всегда: и отныне, и присно
Нас зовет на святые дела —
Это светлое слово «Отчизна»,
Потому, что любовь к ней светла.

* * *

Деньги есть — гуляем, брат, на все!
Всякое случается в судьбе.
Нынче на нейтральной полосе
Мы ничьи, мы сами по себе.

Пилим лес на скрипки, и гробы —
Нет для нас других, как видно, дел...
Никуда не деться от судьбы —
С двух сторон на нас глядят в прицел.

От того ли, потому ли пьем...
Мыслей мало, но одна о том —
Если на «нейтральной» вдруг помрем,
Кто могильный набросает холм?

РУССКОЕ ПОХМЕЛЬЕ

Гоню кручину прочь,
Глушу в стакане смех,
Ложится тихо ночь
На серый, серый снег.

Клонится голова
На белый, белый круг —
За грубые слова
Прости меня, мой друг.

Я утром извинюсь,
Я отряхнусь от снов,
Потом опохмелюсь
Настоем горьких слов.

Простившись, повернусь
И выйду за порог —
Там, за порогом Русь,
Там, за порогом Бог.

НИЩЕТА

Не улыбайся мне хитро
И не подмигивай глазами.
Мое пропитое нутро
Еще стыдливое, местами.

Еще понятия — стыд и срам
Упорно посещают к ночи...
Еще вздымаю к небесам
Свои прокуренные очи.

Еще молю я у судьбы
В подарок, нежную улыбку,
Мне б угостить вас, но увы —
В кармане мышь прогрызла дырку.

Пойдем, подруга-нищета,
И дальше в поисках позора.
Кому предъявим мы счета
В дни всенародного разора?

Спит спокойно гордый внук славян,
Родину отдав на поруганье,
Так легко поверивший в обман
И обрекший душу на скитанье.

Спит спокойно, двери затворил,
Не страдать, коль с бедами не знаться —
Крепко спят в домах Богатыри,
Не пора ли, братья, просыпаться!

Много здесь трехглавых развелось,
Норовят огнем, мечом, обманом...
Развелось, по свету разбрелось,
Нет ни в чем отказу басурманам.

Что ж ты терпишь, гордый внук славян,
В твоих жилах кровь, а не водица —
Над полями стелется туман
И сквозь слезы проступают Лица.

* * *

Не дай мне Бог, сойти с ума

А.С. Пушкин

...Куда вачет нас рок событий

С.А. Есенин

Все те же улицы, дома,
Но бродят призрачные тени —
Немало нас сошло с ума
В эпоху страшных потрясений.

Немало выплакано слез
И крови пролито напрасно.
Вновь на кресте распят Христос,
И вновь душе скорбящей страшно.

Куда течет людской поток,
В одно Лицо все слились лица,
А мне бы воздуха глоток
И от толпы освободиться.

В загуле бешеном зима
И просят милостыню дети...
Не дай нам Бог сойти с ума
На стыке двух тысячелетий.

НА ДВОРЕ 1998 ГОД

Времена не выбирают —
В них живут и умирают...

А. Куинсер

В своей стране мы не свои,
В чужой стране совсем чужие.
Да где ж вы, русичи мои?
На сердце раны пожевые.

Ну как мне вас поднять с колен? —
Стыдитесь — витязей потомки —
Не тело, дух отдали в плен,
И вот стоим у самой кромки,

У края пропасти стоим
И озираемся пугливо.
И Родины горчайший дым
Плывет над нами сиротливо.

* * *

Кому звездная дорога,
Кому пыльная стезя —
Я прошу любви у Бога,
Без любви никак нельзя.

Кому пыльная дорога,
Кому млечная тропа —
Я прошу любви для Бога,
Но бесчинствует толпа.

* * *

То свобода, то темница,
То дорога, то тропа,
То божественные лица,
То безликая толпа.

То заснеженное поле,
То тумана пелена,
И над всем, над этим — Воля,
Воля властвует одна.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

В закрытую дверь я напрасно стучу
И ручку дверную напрасно кручу.
За дверью — ни шума, ни шарканья ног,
Лишь окна пустые глядят на восток.
На стеклах разбитых играет зоря,
Как долог был путь мой до этого дня...
Душа оболочку иную взяла
И тело чужое сюда привела.
Зоря полыхает небесным огнем,
Века пролетели, но выстоял Дом.
Сквозь бури столетий вернулся сюда,
Пустая обитель... В окошке звезда.

ЭТЮД

...А на «форде» работала Рая.
шоферская песня

Эта девочка прет на красный,
Ей дозволено, видно, все.
Только трюк ее очень опасный
И опасна затея ее.

Проскочить, нарушая движенье
Пешеходов, авто, НЛО —
Поступательных сил и вращения,
Превращения в ничто и в никто...

И, быть может, возможно такое,
Нарушая законы Земли,
Проскочить это время лихое
И растаять пылинкой вдали...

Что же девочка: «Браво, браво», —
Жми на красный, стрелой лети,
Чтобы даже посмертная слава
Не догнала тебя в пути.

* * *

Взглядами встретились и потерялись,
И растворились в толпе.
Взглядами, будто навек повенчались
И... изменили судьбе.

И бесконечными, позже, ночами,
Дверь, открывая на стук,
Взглядом людей незнакомых встречали
И ожидали — а вдруг...

* * *

«Чужие мы» — летело вслед,
И по ступенькам громыхало,
Как будто не было тех лет
И тех почей, как не бывало.

«Чужие мы» — летело вслед,
И след, как снег, сходил на нет,
И исчезала без следа
В овраге талая вода.

* * *

С тобой в разладе — день не день,
И ночь — бессонница сплошная.
Фуражка, что ли набекрень,
Иль голова моя шальная.

Поди, попробуй разберись,
Что за день тут накуралесил,
И что за штука эта жизнь —
То я угрюм, то снова весел.

С собой в разладе — не понять,
Куда идти, к чему стремиться,
То хочется весь мир обнять,
То вдрабадан с тоски напиться.

Живу, не ведая времен,
Не зная, где тот миг последний,
А на земле то явь, то сон
И дождик, дождик сыплет летний.

СТАРАТЕЛЬ-ОДИНОЧКА

Деревянный лоток и тачка,
Вдруг закатное солнце блеснет...
Двадцать граммов — какая удача,
В лавку золото сразу снесет.

Отоварится хлебом и солью,
Флягу спирта с собою возьмет,
И что добыто потом и кровью
Все с друзьями за вечер пропьет.

А наутро с тяжелою ношей,
Да с тяжелой хмельной головой,
Побредет он осенней порошей —
За удачей в распадок глухой...

АВГУСТ

От счастья и от горя
Легко сойти с ума,
Ах, Боря, милый Боря —
Что, тяжела сума?

И то тебе, и это
До доньшка испить,
И нет белее света,
Но все темнее жить.

И боль, что давит плечи
Пытаюсь превозмочь —
Все легковесней вечер,
И все весомей ночь.

Все зримей, зримей осень,
Все заей глоток вина,
А что люблю вас очень
В том не моя вина,

Что лето на исходе,
Что наяву, во сне
Душа по свету бродит
И бредит о весне.

* * *

Вот и состарилась улочка тихая,
Где мое детство прошло.
Часики летние тикали, тикали —
Время травой поросло.

В сонном бурьяне чуть видима улочка —
Только репей, да осот.
В доме напротив старушечка-дурочка
В детстве счастливом живет.

Там на краю, у крутого обрыва
Яблонька клонится вниз...
Яблочки бело-седого налива
Диким вином налились.

Что же, друзья, расплескаем по кружечкам
Памяти нашей вино...
Вот и состарилась тихая улочка —
Тихо в округе давно.

ОСЕННЕЕ

Потоки слов размытых объявлений,
Кусочки слов оборванных афиш,
С утра до ночи нудный дождь осенний
Стучит, стучит по колокольням крыш.

Не разобрать о чем трезвонят капли,
Легящие с небесной высоты,
Но, говорят, что капли точат камни
И подмывают дамбы и мосты.

Осенний дождь стучится в перепонки,
Как будто пушки ядрами палят.
Плывут дома, киоски, остановки,
И летние автобусы стоят.

Размыто время: ни тепла, ни стужи.
Всяк норовит свой обиходить кров...
Лишь воробей, нахохлившись у лужи,
Следит за тенью серых облаков.

РОДИТЕЛЯМ

Жизнь все-таки прекрасна,
Когда сожмется тень —
Пронзительно и ясно
Вдруг распахнется день.

И высветится поле,
И высветлится высь...
На то есть Ваша воля,
На то есть Ваша жизнь.

От белых, белых пашен,
От зимних вечеров —
Светлеют души Ваши
И освещают кров.

МАРТ

Время таянья снегов,
Время первого цветенья,
Юных отпрысков сомненья
И раздумья стариков.

Время явных перемен
В жизни, в мыслях и в природе,
И, мечтая о свободе,
Попадает сердце в плен.

Время слов, как воздух, легких,
Время чудных светлых снов,
Поцелуев долгих, долгих...
До осенних холодов.

* * *

Однажды выйду из ворот
И побреду по улице,
Какой вокруг меня народ,
Что ни лицо — то умница,

Что ни лицо — то светлый лик,
О, милые попутчики!
Запечатая я этот миг —
И лица, и тулупчики,

И окон зимних зеркала,
Что отражают солнышко
И вновь «печаль моя светла»,
И выпита до доньшка.

* * *

Стекает с купола туман,
Крест золотой все выше, выше —
Как символ Веры христиан,
Как ключ Земли к небесной нише,

Как свет, проснувшийся во мгле
И осветивший нам дорогу,
Мы Утро ждали на земле —
Оно пришло, и слава Богу!

* * *

Ты мое неземное творенье,
Ты из мыслей моих рождена —
Я вселил в твою душу сомненье
И теперь самому не до сна,

И теперь между светом и мраком
Ледяная возникла стена,
Ты небесным помечена знаком,
Недоступна, преступно-вольна.

Неподвластна гудящему люду,
И творцу не подвластна уже —
Я во сне твои губы целую.
И светло, и ненастно в душе.

* * *

Я печку затоплю,
Все холоднее ночи,
Я ночи не люблю —
Я одинок в них очень.

Лучину запалю,
Своей укроюсь тенью,
Я утро не люблю —
В нем горькое прозренье.

И днем я нелюдим,
В душе моей нет лада —
Любимая с другим, —
А мне другой не надо.

Я огонь в печи раздую,
Угольки разворошу,
Я на пряник наколдую,
Я на чай наворожу.

Все сомненья уничтожит
Приворотная еда —
Стану юношей пригожим,
Стану парнем хоть куда.

Этим «зельем» сладким, спелым
Напою потом тебя,
Чтоб жила на свете белом
Одного меня любя...

Жаром пышет чудо-печка,
Гулко ухает труба,
Пойду выйду на крылечко
Здравствуй, девица-судьба!

В этот дождь окунусь с головою,
В этот день, в этот дождь проливной
Я спешу на свиданье с тобою,
Ну а ты на свиданье со мной.

Где-то в парке дорожки сойдутся,
Как две линии в центре креста
И уже нам назад не вернуться
Никогда, никогда, никогда.

Восходящее облако света
Голубым засияет огнем,
В ожидании теплого Лета —
Мы в холодную зиму войдем.

Передюжим и холод, и стужу,
Осеняя дорогу крестом,
Я свою уцелевшую душу
Поселю в светлом доме твоём.

ЮНОЕ ФОТО ЖЕНЫ

Что ж ты глядишь виновато
Издалека, издалека...
Там за чугунной оградой
Светлая плещет река.

Там от родного порога
Тянется ниточка-след,
Юность твоя, недотрога,
Белый, без крапинок, свет...

Там перед взором горящим
Замерло время на миг,
Желтый обласканный ящик
Выдал на фото твой лик.

Что ж ты весне той не рада,
Вспомни те теплые дни...
И не гляди виновато
В хмурые очи мои.

* * *

Рано утром приеду к тебе,
Вспыхнет свет в твоей маленькой спальке,
Застучат в водосточной трубе
Твои слезы — дождиночки, градинки.

Успокоюсь, согреюсь чуть-чуть,
Поцелуями губы измучаю..
Дней ушедших назад не вернуть —
Улетели с дождливыми тучами.

Изменить надо что-то в судьбе,
Знать бы только, когда это сбудется.
Дождь гремит в водосточной трубе
И плавает, расплавается улица.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ГЛЕБУ

* * *

Солнышко, свет мой в окошке,
Что ты печален и хмур,
В краске измазал ладонки,
Щеки — цветной абажур.

Что ты малюешь усердно,
Кисти макая в «гуашь»...
Цвет подбираешь, наверно,
Летний рисуя пейзаж.

Дом с мезонином и сени —
Бабушка, дед на крыльце...
День такой теплый и летний,
Радость, как дождь, на лице.

* * *

Белый свет, как белый снег,
Мне глаза до боли режет,
Белый, белый человек
На руках ребенка нежит...

Бесконечен этот сон —
Белый, белый одуванчик,
Он из воздуха рожден —
Этот белый звездный мальчик,

Сыплет, сыплет белый снег,
На речной ложась песочек.
Он — дитя двух звездных рек —
Белокурый наш сыночек.

* * *

На дворе такое время —
Холодно и ветрено.
Что ж ты, маковое семя,
Прорастаешь медленно.

Новый день теплом согреть
Ласковое солнышко,
Вырастай, сынок, скорее —
Маковое зернышко.

Поделюсь я всем с тобою,
Род наш крепкий, злаковый,
От ветров тебя укрою —
Стебелек мой маковый.

Вырастай, пока я в силе
И не гнет усталость,
Вырастай, сынок мой милый —
Матушке на радость!

С ног на голову снова
Поставлен я с утра
И праведное слово
На кончике пера.

Но я твержу упрямо,
Что в мире истин нет.
Где есть окно, там рама,
А где стекло, там свет.

В зеркальном отраженьи
Все зрим наоборот,
И с самого рожденья
Стекло кривое врет.

Двойник в овальной раме
Подмигивает мне...
И тайна между нами,
И лунный свет в окне.

СОХРАНЕННЫЕ ДОЧЕРЬЮ СТРОЧКИ

1

Что за чудо — твои глаза.
И лукавство в них, и серьезность.
Отражаются в них небеса,
И озер голубая холодность.

Ты во сне или все наяву.
Не гляди на меня, не гляди.
Я и так уже, видишь, тону,
За ресницы цепляясь твои.

* * *

Труби, трубач, возсю труби,
Неси немислимую ересь.
Есть в ожидании любви
Своя таинственная прелесть.

Надеждой юноша живет,
Мужчина верит в провиденье.
Огонь и лед, огонь и лед —
Все суть единого творенья.

На крутом берегу
Камни морщатся,
Поплясать бы в кругу,
Да не можется.

Прихворнула душа,
Думу думает,
А вокруг мельтешат
Люди глупые.

А вокруг суета
Несусветная,
Да еще маета —
Бедным, бедная.

Дурень слово в дугу
Гнет с ухмылкою,
Поплясать бы в кругу
С милой милкою...

Хватит дождичку лить
Прямо в темечко.
С нелюбимой грешить
Нету времечка.

От любимой бегу,
Больно строжится...
На крутом берегу
Камни крошатся.

СТАТУЭТКЕ, СТОЯЩЕЙ НА СТОЛЕ

О чем ты думаешь, болван?
Ну-ну, не стоит так сердиться,
Пришитый к заднице карман,
От частых лазаний лоснится.

Записка там и медный грош,
Да пара пуговиц блестящих...
Ах, до чего же ты хорош!
Средь нас, болванов настоящих.

Мимо летел этот вечер,
Падала в небо звезда,
Хрупкие женские плечи,
Грубые нитки холста,
Тонкие женские руки
И в поцелуе уста,
Десять минут до разлуки
И навсегда, навсегда...
Дремлющий кот на коленях,
В форточке звездная высь,
В этих коротких мгновеньях —
Вся моя долгая жизнь.
Вся моя горькая доля,
Сладкий мой, сладостный бред —
Снежное белое поле,
Тоненький, тоненький след...

Улеглась, устоялась погода
И в душе стало ясно, легко —
Не найти к этой женщине брода,
Видно, в прошлое нету его.

Утекли, словно вешние воды,
Безрассудные годы мои,
Были теплые дни у природы,
Были теплые губы твои.

Долго-долго тепла ожидали
И, случилось, в том давнем году
Ах, как жарко они целовали —
Эти губы в безумном бреду,

Не забыл я, все помню доселе —
Как горела цветами трава,
Ах, какие вы песни мне пели,
Ах, какие в них были слова!

Улеглась, устоялась погода,
Лишь волнуется память-река...
Не найти в ней обратного брода,
Слились с небом ее берега...

Не снись, не надо. Поутру
Мне так бывает одиноко,
Что кажется — сейчас умру,
Без промедления, до срока.

Не снись, не надо. Я пойму,
Что в этом мире так ведется —
Что не доступно одному,
Другому с легкостью дается.

Не снись, не надо. Наяву
Ты промелькнешь весенней птицей,
А мне, покуда я живу —
Все будет та, другая сниться.

Не снись, не надо. Бог с тобой,
Не бреди большую память,
Все, что отмеряно судьбой,
Не изменить и не поправить.

Не снись, забудь меня, забудь
Еще до встречи, до обмана —
Я твой благословляю путь...
Но Боже мой! Как ты желанна...

* * *

Птицей впорхнула в мой дом,
Окна закрыть не успел,
Штору качнула крылом,—
Ветер в печи загудел.

Скрипнули ставни в ночи,
Звуки упали во тьму...
Пламя застыло в печи,
Время застыло в дому.

Птицей покинула дом—
Время шуршит за окном.

* * *

Что-то оплачено кровью и потом,
Что-то свалилось, как манна с небес,
И в одиночку, и с целым народом
Нес я безропотно тяжкий свой крест.

Кто-то роптал, изнывая от тяжести,
Кто-то проклятья швырял в пустоту..
Тихие, тихие горести-радости
Следом плелись, подгоняя толпу.

Старые дровни скрипят от мороза,
Стынут в логах тальники...
Вот и пришла ко мне горькая проза
И приумолкли стихи.

Время раздумий нелегких настало,
Хлещет листва по лицу,
Тени ракитника и краснотала
Тают в предзимнем лесу.

Жизнь переходит в иное понятие —
Время смывать миражи,
Время, когда проступает сквозь платье
Свет обнаженной души.

Это и есть то мгновение земное,
Где у незримой черты —
Небо палящее и ледяное,
И никакой суеты.

От щемлящей тоски замираю,
Будто лист трепещу на ветру.
Каждый вечер, ложась, умираю
И рождаюсь опять поутру.

Ночь без сна — репетиция смерти,
Где бы не было: в поле, в дому...
Вы гордыню слепую умерьте
И смиренно молитесь Ему!

Мысли дерзкие мыслью стираю,
Смерть красна, говорят, на миру.
Каждый вечер, ложась, замираю,
Просыпаясь — молюсь поутру.

ПАМЯТИ ДОЧЕРИ

То ль в душе, то ли в доме сквозняк,
Ходят женщины в черных платочках,
Подоконник от влаги набряк,
Потускнели герани в горшочках.

Суета, торопливость ушла,
И ничто тишину не тревожит.
Лишь над гробом живая душа
С мертвой жизнью расстаться не может.

За окошком крепчает мороз,
Как бы мне пережить эту стужу,
Дай же, Господи, силы и слез,
Чтоб оплакать родимую душу.

Все неправильно в мире, не так,
Ни умом не принять, ни душою.
Над землей, под землею сквозняк —
Твердь разверзнута волей чужою.

У МОГИЛЬНОЙ ПЛАТЫ

Жизнь моя по чашам Дня разлита,
Пью и пью холодный эликсир,
Вглядываясь в трещины гранита,
Я понять пытаюсь этот мир.

Я понять запретное пытаюсь,
За пределы линий выхожу,
И открытий будущих пугаюсь,
И со страхом в прошлое гляжу.

Крошки тьмы просеются сквозь сито,
Крошки света ослепят глаза..
И застынет в трещинах гранита
Зрячая отцовская Слеза.

Деревенский погост, покосившийся крест,
Имярек, полустертая дата...
Ни домов, ни строений не видно окрест,
Лишь холмов облысевших ограда.

Лишь звенящая в травах осенняя пыль.
Да астящая к небу молитва.
В этих травах жива отшумевшая быль,
Да в степях отгремевшая битва.

Время станет и нам уходить в темноту,
Где поют и играют свирели...
Светлый день на земле. Поклоняюсь кресту,
Поминая ушедших доселе.

Через много, много лет
Ты узнаешь ненароком,
Что меня на свете нет,
Что я в плаванье далеком...

Там за далью лет и зим,
После долгого скитанья
Мы уже не различим
Силуэтов очертанья.

Но в безмолвной тишине,
Звукам музыки внимая —
Вдруг прильнет душа к душе —
Вот и встретились, родная...

Видится сон или снится мне быль —
Поле, дорога, да белый ковыль.
В дальнем селе ожидают гонца,
Только не видно дороге конца.
В небо уходит, сливается с ночью,
Сон это все, или вижу воочью.
Где же граница меж светом и тьмой,
Серая птица кружит надо мной.
Правлю коня: «Ну-ка, вынеси, друг!»
Только уходят поводья из рук,
Тихо сползаю на землю с коня,
Не дотянул до живого огня.
В поле, в степи — все едино теперь...
Скрипом исходит бездомная дверь.

Тихая заводь, трава, да тальник,
Да серебрится водица...
Что ж ты, мужик, головою поник —
Или надумал топиться?

С берега в омут и думы долой,
Бог, мол, простит горемыку,
Что ты мотаешь хмельной головой —
Шепот подобен твой крику.

Камень тяжелый, зачем он тебе,
Что есть вины тяжелее,
Что же случилось такое в судьбе —
Коль ты с веревкой на шее.

В речку задумчиво смотришь браток,
Время ль настало молиться?
Тихая заводь, да берег высок —
Плачет сестрица-водица.

С КАРТИНЫ Н. БУРЦЕВА
(декабрь 1997 года)

Скрипом исходит бездомная дверь,
Холодом тянет из пропасти...
Жадное время неожиданных потерь —
Я не готов к нему, Господи!

Громом ударит средь белого дня —
Голову в плечи невольно —
Капельку сердца отнять у меня,
Больно же, Господи! Больно.

Мир этот словно свихнулся с ума,
Разве возможно такое —
Что натворила ты нынче, зима —
Из польмя, да и в горе.

Я не смогу уже, друг, никогда
Петь и смеяться в походе,
Поле. Над полем ночная звезда
Медленным светом исходит.

Девочка, женщина, птица —
Песня, летящая ввысь.
Если сумела родиться,
То полюби эту жизнь.

Девочка, баба, старуха,
Кто тебя сделал такой?
Ставнями хлопает глухо
Дом, что внутри неживой.

Девочка, девонька, птица —
Время ли нам горевать?
В ножки тебе поклониться,
В дом тот хозяйкой позвать.

Так и не встретились с тобой,
Хоть обошел я все пределы,
Но только ветер ледяной,
Но только ветер белый, белый...

Но только вихри в небесах
И свет звезды, холодный дальний,
Да прядь седая в волосах,
Как Млечный путь моих скитаний.

Дорога в сотни, сотни лет,
Разлуки, встречи и свиданья,
То тьма, то свет — тебя лишь нет,
Мы разминулись в Мирозданьи.

Вернуть назад тот день и час,
Тот миг случайного виденья,
Где взгляд твоих печальных глаз
Меня коснулся на мгновенье.

Я же просил тебя больше не сниться,
Что ж ты опять растревожила сны.
Как мне с тобой навсегда распрощаться —
Я не хочу мимолетной весны.

Все устоялось осенней порою,
Канули в лету певцы-соловьи.
Сердце свое я кольчугой укрою,
Чтобы не ранили стрелы твои.

Вот оно — светлое, светлое утро,
Сны разлетелись, ушли без следа.
Только душе до сих пор беспробудно
Светит и светит ночная звезда.

ГЕНИЙ ТЬМЫ

Я негатив цветного фото,
Я не проявлен, но умен.
Никто не знает номер года,
И день, в который я рожден.

Никто не знает дату эту,
Гляжу на мир из мира тьмы...
И некого призвать к ответу —
Ведь фотографии немые.

Но если вдруг меня проявят —
То, подрезая и кроя,
Меня на фото и оставят —
Как гения небытия.

О чем мы тогда говорили,
Мне трудно припомнить теперь,
Слова, будто бабочки, плыли
И крыльями хлопала дверь.

Летало, шипело, витало
Оно над тобой, надо мной...
То слово вдруг облаком стало,
И встало преградой стальной.

Но после прогнулось... и с криком
Прорвало безмолвие лет
И стало прошедшее мигом,
И тьма помнялась на свет.

И мы, словно бабочки, плыли,
И слово летело в ночи —
О чем мы тогда говорили?
...Не надо, не надо, молчи.

Воспоминанья тяжелы
И груз вины так больно давит,
Все натываюсь на углы,
Как будто кто-то мною правит.

Как будто водит тень мою
Детина рыжий и косматый,
Я ничего не узнаю —
Весь мир кривой и угловатый.

Весь мир нацелен острием
В меня, возникшего из праха,
То палашом, а то копьем,
Да так, что в лоскуты рубаха,

Да так, что вдребезги столы,
Что приготовлены для тризны,
Воспоминанья тяжелы —
В них страх давно прошедшей жизни.

В них пепел будущих времен,
От чувств, сгоревших понапрасну...
Воспоминанье — дивный сон,
И страшный сон, и сон прекрасный.

В реке свинцовая вода,
И тучи, тяжелее ртути,
И за бедою вновь беда,
И лютый холод сердце студит.

Такая гиблая пора,
Во всем царит хандра и скука,
И истина, как мир, стара,
И жизнь — пресквернейшая штука.

Бежать бы мне из этих мест,
Все так вокруг осатанело,
Но не подняться — тяжкий крест
Ломает душу, давит тело.

Иного нет, видать, пути,
Как с божьей карою смириться.
Но что-то рвется из груди
И в даль ненастную стремится...

ОЖИДАНИЕ

Холодная зеленая вода
И берега, застывшие в молчаньи,
И вдоль холмов дорога в Никуда —
И вяжет время кружева печали.

Шуршит шуга, на берег громоздясь,
И мир лесной готовится к затишью,
И в этом есть непрочная, но связь
Между природой и моею жизнью.

Всему есть время — вечеру и дню,
Всему свои отмеренные сроки...
Еще пылать холодному огню
И обжигать стареющие щеки.

Уже грядут на землю холода,
Дрожит от ветра топенькая ива,
В реке рябит зеленая вода, —
Все в ожиданьи белого прилива.

Как холодно и неуютно в мире,
Зима пошла опять на новый круг.
Сижу один в простуженной квартире
И жду, когда в дверь постучится друг.

Напрасно жду, уже давно за полночь.
Он не придет, погряз в своих делах...
Ему нужна моя, быть может, помощь,
А я боюсь пророчества в словах.

Я испытал всю мощь и силу Слова.
В ненастный день и в неуютный час,
Сорвавшись с губ, не возвратится снова —
То слово, что убийственно для нас.

..Со мною будет все иначе:
Разлуку смертную кляня,
Одна лишь женщина заплачет —
Одна — любимая моя.

Забыв обычай деревенский,
На холод выйдет за порог...
И будет плач ее вселенский,
И будет крик ее высок.

И будет эхо долго, долго
Лететь, цепляясь за кресты...
И до ближайшего околка,
И до светящейся звезды.

ВЕЧЕРЯ

Ну вот и все, зашторено окно.
И до утра в саду безмолвна тропка.
Сидим и цедим кислое вино
И думаем о жизни неторопко.

Что жизнь моя? Что жизнь твоя, мой друг? —
Работа на излом и растяженье,
Как много суеты, напраслины вокруг,
Как много хвастовства и мельтешенья...

Так что же, жизнь и вправду пустота,
Коли вокруг одни пустые речи...
Молчат сегодня мудрые уста,
Сидим вдвоем и коротаем вечер.

Жил. И не просто ведь жил —
Завтрашний день предугадывал,
Я ли траву не косил,
Я ли стога не укладывал.

Я ли колодец не рыл
И за работу, в награду —
Воды подземные пил,
Жадно впивая прохладу.

Жадно и жарко любил
Чуждую, злую, святую...
Было немеряно сил —
Вот и растратил впустую.

Вот и сложились года
В стог, где одна лишь солома...
Заплесневела вода
В старом колодце, у дома.

* * *

Мы эту зиму еще передюжим,
Злые морозы в дому переждем.
Если тебе я, любимая, нужен,
Значит еще на земле проживем.

Значит еще и споем, и попляшем
Утром июльским, на росном лугу.
Сколько еще перескажем, расскажем,
Светлое слово вплетая в строку.

Значит еще в этом мире побудем,
Значит еще обиходим свой дом...
Горьких раздумий лампаду задусем,
Светлых раздумий лампаду зажжем.

* * *

Проснуться бы во времени ином,
Увидеть снова дорогие лица.
В одном из дней, мгновеньем повториться,
И вновь забыться беспокойным сном...

ЗАПЕВ К ПОЭМЕ «БОРИС И ГЛЕБ»

Просвистела стрела
Через двери в окно,
Светлый день рассекла —
Стало в доме темно.

Белый свет рассекла —
Стало в мире темно,
Опустилась стрела
В сине-море, на дно.

Опустилась рука,
Что пустила стрелу.
Оглянулся — Века
Проступили сквозь мгу.

Загорелась вода,
Запылала огнем...
И ночная звезда
Стала видима днем.

Еле слышимый гул
Подхватил и... в седло.
Я коня повернул —
Время вспять потекло.

Я увидела поля,
Разных гадов и птиц.
И держалась Земля
На огромных китах...

Проснусь внезапно среди ночи
И сон тревожный оборву,
И хорошо, а то пророчит
Он мне разлуку поутру.

Раскрою окна, свет хрустящий
Скользнет чуть слышно по стене,
И я пойму — я настоящий,
А ты — пришедшая во сне.

А ты, пришедшая Оттуда,
Обронишь тихо: «Мне пора»...
Я плед накину, сон забуду.
И сам забудусь до утра.

А утром что-то вспоминая,
Вдруг осенит меня вопрос —
Откуда брошка золотая
И золотая нить волос?

Ведь мне казалось — все бесследно
Исчезло, кануло в ночи...
Кричу, но эхо безответно,
Молчу, в ответ: «Молчи, молчи».

* * *

Все испытал я: и бури, и стужу,
Водку глотал, обжигаясь, как чай, —
Вот и смутил твою юную душу,
Вот и сердечко смутил невзначай.

Бросил словечко, любуясь деяньем, —
Что натворил седовласый старик?
Ведь от разлуки так долго к свиданью,
А от свиданья к разлуке — лишь миг.

Все я прошел: океаны и сушу,
Все, что отмеряно было судьбой...
Вот и смутил твою чистую душу,
В омут глубокий увлек за собой.

Забуду тебя, забуду
И имя твое, и ладонь.
И писем, нечитанных, груду
В огонь побросаю, в огонь.

От боли сожмется бумага
И искрами вспыхнут слова:
«Бродяга», «бодяга», «бедняга»,
«Ах плут» и «сорви-голова»...

Что ж, браво любимая, браво!
Прозревши, успел я прочесть —
Тебе суматошная слава,
А мне безпортопная честь.

И слов запоздалых не надо,
Крылатого вздыблю коня...
Тебе за все муки награда —
Не видеть, не слышать меня.

* * *

Мимолетность встречи,
Сладкий, сладкий миг —
Ласковые речи,
Грешный мой язык
В тишине лопочет,
Шепчет до утра...
Ласковые ночи,
Сладкая пора.
Ласковые руки,
Аживый мой язык —
Вечность до разлуки
Превращает в миг.

ВОЙНА И МИР

Пройдя сквозь игольное ушко,
Свой путь обозначил в судьбе.
Моя золотая пастушка,
Я снова вернулся к тебе.

Пройдя сквозь игольное ушко,
Тебя отыскал среди дня...
Но громко вдруг грохнула пушка —
Ты вновь потеряла меня.

Опять разбросала по свету
Солдат мировая война...
И ушка игольного нету,
Расплавив иглы она.

.....

По кругу солдатская кружка
Гуляет, медалькой звеня.
Моя дорогая пастушка,
Как будешь ты жить без меня?

ЗИМНЯЯ НОЧЬ В КЕМЕРОВО

Мерзнет панно на углу гастронома,
Девочка мерзнет в ажурном белье.
Жуткий мороз. Половина второго —
Дворник мечтает о скором тепле.

Только б скорее закончить работу —
Снежный завал разгрести и... домой,
Падает снег с четверга на субботу,
Пятница в этом году — выходной.

Слышится скрип одиноких ботинок,
На перекрестке поземка шуршит,
Мимо «де люксов с Европой» и «Льдинок»
Кто-то проходит в полночной тиши.

Кто-то бредет по ночным переулкам,
Видно с бессонницей дружит давно...
В этом пространстве морозном и гулком
Слышно — снежишки стучатся в окно.

Все в этом мире старо и не ново —
Крутит поземка немое кино...
Мерзнет панно на углу гастронома,
Девочка мерзнет, а нам все равно.

Видно забыли одеть по погоде
Рекламодатели, шут их возьми,
Дело закончено, дворник уходит,
Мерзлой лопатой в подъезде гремит.

Во сне я видел сон,
Он страшен был и ясен:
Среди святых икон
Сидел диавол в рясе.

Переодевшись так,
Искал себе он славы,
Но опускался мрак
На купол златоглавый.

Небесные врата
Свет тихий излучали.
Мирская суета
Все множила печали.

Гудел скорбящий люд
И в страхе копошился..
Господь сказал: «Я тут —
На миг лишь отлучился».

Перекрестился я,
На голос обернулся,
Всевышнего моля —
В сон праведный вернулся.

БЫЛЬ

По эту сторону окна
Сидит красавица одна,
А по ту сторону окна —
Лежит огромная страна.

По эту сторону окна
Вся водка выпита до дна,
А там за сумрачным окном —
Моря и реки кверху дном.

По эту сторону окна
Жена пьяна, иль не жена...
Не разобравшись, под окном
Мужик раскинулся крестом.

И гробовая тишина
По обе стороны окна...

* * *

Худо — тут, худо — тут.
Из песни птицы удода

Научился жить-лукавить,
Научился петть-скрипеть,
Застеклила наледь память —
Прошлых дней не разглядеть.

Притупила свет в окошке,
В сумрак видится едва
Две кривулины-дорожки,
Колченогих два следа.

Кто-то прыгает и скачет,
То назад, а то вперед...
Во вчерашнем небе плачет
Птица веющая — удода.

* * *

Отодвинуты засовы,
Дверью скрипнула ветерок,
Будто заспанные совы
Вышли люди на порог.

Приоткрыв глаза, сказали:
«Что ты бродишь, словно псих», —
И веревкою связали,
Но оставили в живых.

Затворили снова двери —
Лет на двести спать легли...
То ли люди, то ли звери
Померещились вдали...

* * *

Если ты идешь путем окольным,
Милости у Господа проси,
Чтоб всегда со звоном колокольным
Просыпаться на святой Руси.

БЫТИЕ

С тех давних и далеких дней
Прошла эпоха целая...
И я был в ней, и я был с ней —
Ей в помощь что-то делая,

И на пределе бранных сил
Помочь пытался ближнему —
Не навредил, не навредил —
Хвала за то Всевышнему!

РУСЬ — 1993

Родина — женщина русоволосая,
Милая, милая — песту милей...
Что же ты нынче нагая и босая
Кровь источаешь на груди камней?

Что же ты ножки свои не укутала
В травы шелковые, мягкий ковыль,
Что же ты волосы светлые спутала —
Все перепутала: сказку и быль.

Стелется по полю дымка неясная,
Прячется в травах вечерняя тишь...
Родина милая, девица красная,
Что ж ты в окошко так грустно глядишь?

Вороги скачут полями, долинами,
Молодцы русские спят на печи,
Видно, забыли, что были былыми...
И заржавели от спячки мечи.

Вышли бы в поле, померялись силою,
Снова на Русь надвигается тьма...
Родина — женщина милая, милая —
В сердце тепло, а под сердцем зима...

* * *

Жизнь моя пустынна и пуста,
Все начать бы с чистого листа,
Все начать бы с первого слова
И познать в младенчестве Творца.

Юный дух молитвой укрепить,
Чтоб душой и сердцем не кривить,
Чтобы, встав с молитвой у креста, —
Мог сказать, что жизнь была чиста.

ПРИЧАСТИЕ

В дни гонений, вражды и мытарства
Чудный голос я слышал вдали,
Был вне времени я, вне пространства,
И летал, не касаясь земли.

Что творилось внизу подо мною,
Как там мама в разлуке жила...
Протекала весна за весною
И зима за зимою ползла.

Запредельная мысль трепетала,
Среди звездной металась пыли,
За страницей страницу листала
Книгу Жизни и книгу Любви.

Это время дробилось на части
И мгновенья метались во мгле.
Принимал я во Храме причастье,
Чтоб вовек не грешить на земле.

Чудный голос тревожил сознание,
Колокольчиком нежно звеня.
В дни гонений, любви и скитанья
Эти звуки ласкали меня.

РУССКИЙ ПЛАЧ

Тяжело, тяжело. Не поднять головы,
Чуть поднимешь, накинута гады.
И живи так — не выше болотной травы,
Ниже можешь... могильной ограды.
Вдоль по полюшку-полю трава да травы,
От земли и до небушка сухо...
И гуляет по свету людская молва
О величии Русского Духа.
Где он нынче, в какой он живет стороне?
Помолиться б ему во спасенье...
Ведь сегодня я вновь наяву, не во сне,
Божьей матери видел знаменье...

ВОСПОМИНАНИЕ О 1953 ГОДЕ

Кожаная куртка,
Золоченый зуб —
Местный урка — Юрка,
Не фигура — куб.

Высотой два метра
От ушей до пят,
Сапоги из фетра
Вовсе не скрипят.

По району ходит,
Стелет слов шелка,
Кто-то не находит
В доме кошелька.

На словечко щедрый,
На гостинцы крут.
Сапоги из фетра
Мягкие, не жмут.

Стянет в лавке бурку,
Да не тот размер.
И отправят Юрку
В каменный карьер.

Через год в «Мозжухе»
Под крутой горой
От «простой» желтухи
Сгинет наш герой...

А пока по свету
Ходит не спеша,
Улыбаясь лету
Грешная душа.

* * *

Слова изменились времена —
Все меняют: судьбы, имена,
Все меняют, Бога не боясь, —
Рвут в утробе родовую связь.

РУССКОМУ МУЖИКУ

О русская земля,
Уже ты за холмом.
Слово о полку Игореве

Ты пьешь вино, вины не зная,
Грустишь о чем-то о былом...
Живешь в аду, но жаждешь рая —
Россия где-то за «бугром».
Там, за «бугром», — бугры и ямы,
Там роют пропасть нам с тобой.
И не хватает, видно, «тямы»
Нам повернуть на путь другой.
Очнись, мужик, взгляни воочью,
Россия-матушка во мгле.
И днем, и ночью, днем и ночью
Гуляют бесы по земле.
Ты пьешь вино,
Что ж, пей, но в меру,
Пей, чтоб не двинуться умом,
Не потерять отцову веру.
Россия, где ты?
За холмом?..

ДОЧЕРИ СВЕТЛАНЕ

Ты не видишь, как я старею,
Как белесет моя голова,
Да и сам я, подобно пырею —
Злак не злак, а пустая трава.

Это время состарило многих,
Отболели глаза, отцвели —
Вот уже два годочка жестоких
Без тебя в этом мире прошли.

Припадаю к иконе Скорбящей,
Подступают, как слезы, слова..
Ты осталась в той жизни вчерашней —
Моя нежная зелень-трава.

БАЛАХОНКА

Испаряется солнце в горячем ведре,
От жары просто некуда деться,
Я поставил свой дом на змеиной горе —
И живу, не пугаясь соседства.

И живу, не пугаясь шуршания стен,
И люблюсь клубящимся садом.
Все по милости Божьей — цветенье и тлен,
Миг и Вечность соседствуют рядом.

Я поставил свой дом между светом и тьмой —
В смутном облаке лица, забытые мной...

ПОСЛЕ ЗИМЫ

Вновь снега уходят понемногу
В землю, в кучевые облака..
Возвращаясь к чистому истоку,
Где минуты дольше, чем века.

Где еще потери восполнимы,
Где ручьем становится река,
Где еще мы юны и любимы
Безоглядно, ни за что пока.

Где в тумане различимы смутно
Контурь размытых берегов,
Где в лесу безлюдном — многолюдно
От следов и отголосков слов.

«Выхожу один я на дорогу...»,
Голос вещей слышу сквозь века.
Вновь снега белеют понемногу,
Наполняя Светом облака.

ПОЭТУ

Когда исходишь ты, как свет,
Как день уходишь в сумрак ночи,
Уходишь в сон иль в тяжкий бред —
Никто будить тебя не хочет.
Когда восходишь ты, как свет,
И будишь мир строкой чудесной..
Все за тобой толпою тесной
Спешат, заслышав сладкий бред.

Лают в деревне собаки,
Вновь чужаки забрели —
Не избежать, видно, драки,
Рвутся с цепей кобели.

Вот и сбылись эти слухи...
Гарью тянуло с реки...
Воют горластые суки,
Им подвывают щенки.

Не избежать, видно, крови,
Выгнуты спины дугой...
Слезы горючие, вдовьи
Скоро прольются рекой.

Пылью взметнется дорога,
Гром прогрехочет вдали...
Нерусь стоит у порога,
Рвутся с цепей кобели.

2000-е годы
«ВСЕМ ХОЛОДАМ
НАЗЛО»

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

Не озлобляйте ум и сердце,
Не оскверняйте души злом.
Всегда вы в роли иждивенцев —
Пасетесь во поле чужом.

В миру безмолвного творенья
Вам громогласным не понять,
Что исихатское моленье
Нам до поры велит молчать.

Молчит народ, потом как ахнет
И разметет смердящий дым...
А русский Дух, он Русью пахнет
И оттого неистребим.

И потому хочу заметить,
Заметить раз и навсегда,
Что нам в пути не ваша светит,
А наша — русская звезда...

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Все раздрави, да драки,
Где безумству предел.
Я глазами собаки
Вдруг на мир посмотрел.

Хоть хозяин мой строгий,
С ним мне просто, легко —
Я лежу на пороге,
Охраняю его.

Он мне косточку бросит,
Он — по шерстке рукой,
Он по-доброму спросит —
Как живется, друг мой?

Я лизну ему руку —
Я услужлив, по горд.
И ему я, как другу, —
Мол, хватает забот.

Все воюют народы,
В трубы трубно трубя.
Говорят — «Мол, свободы
Нет, пес, у тебя».

За меня все решают —
Как «спастись» от беды.
И меня же лишают
Кошеры и еды.

* * *

Я пил вино — душа болела,
Жена белугою ревела.
Я бросил пить — жена пост,
Душа белугою ревет.

ПРИЗНАНИЕ

Я от Бога поэт,
Ты от Бога подруга..
Скажут — скромности нет,
Да! Со скромностью туго.

Мне скромнее бы стать.
Поразмыслив немного,
Должен правду сказать —
А жена все ж от Бога!

ОСЕНЬ НА УЛИЦЕ ВЕСЕННЕЙ

Мужицким взглядам потакая,
Идет улыбки не тая.
Ты чья ж красавица такая?
Я точно знаю — не моя.

Моя другая, локон — осень,
Ресницы — веточки дрожат,
И взгляд ее прелестно-точен,
Не проглядит мой дерзкий взгляд.

Глаза в глаза. Замрет округа.
И захолонит тишиной.
Моя осенняя подруга.
..Ты просто выдумана мной.

РАССВЕТ

Крадется, словно тать,
И воздух рвет упругий.
Готовы словом стать,
Чуть слышимые звуки.

Готовы строчкой стать,
Те мысли, что ищу я.
Когда б, да кабы знать,
О чем молчит вещунья.

О чем молчат слова,
Готовые родиться.
Не знает голова
Куда ей преклониться.

Все знать бы паперед,
К чему тогда стремиться...
Готовы звуки в лед
Безмолвный превратиться.

УХОД

Чай на блюдечке стыл..
Собираясь в дорогу,
Батя с крестиком был,
Слава Богу!

* * *

У меня нет времени уже
Тратить время на пустые битвы.
Божий свет затеплился в душе,
И открылось сердце для молитвы...

ЗАПОВЕДЬ

На грешную жизнь не ропщите, —
Все было, все будет в судьбе.
Друг в друге врага не ищите,
Но Бога ищите в себе.

Друг в друге лишь друга ищите,
Отринув хулу и вранье,
И памяти тонкие нити
Не рвите во имя свое.

Она сказала мне: «Прокатимся по осени...» —
И покатались золотые дни.
Чего нам только люди не пророчили,
Мы верили в пророчества свои.

Мы верили — заблудшим есть спасенье,
Когда входили в просветаенный лес...
Высказывали птицы удивленья,
Их удивленья слышалось окрест,

Осенних нот мелодия лесная
Слезила души, трогала умы.
Мы шли и шли, еще не понимая,
Что осень лишь прелюдия зимы.

Твои глаза — два озера глубоких,
Как ни гляди, в них не увидишь дна.
С ума свела ты, видно, очень многих.
Ужель и мне пора сходить с ума?

С ума сойти и побрести по кругу,
В котором ни начала, ни конца!..
И отыскать в потемках твою руку,
И воздухом качнуться у лица.

И оцутить всей трепетною кожей
Нечайных чувств нахлынувший прибой, —
Ни на кого ты в мире не похожа,
Никто на свете не сравним с тобой.

Твои глаза — два омута бездонных,
Какая тайна кроется в глуби!..
И тысячи ночей, и дней бессонных —
Всего лишь миг в предчувствии любви.

Опять о памяти. Я в ней,
Как в бесконечном лабиринте,
Иду вперед и... прошлых дней
На руку сматываю нити —

То шелк, то лен, то дратвы скрип,
Тяну минуты мироздания —
То женский крик, то детский всхлип,
То смех, то хохот, то рыдания —

Все длится в памяти моей,
Все длится в памяти Вселенной,
Среди бессмысленных ночей
О дочке плачу убиенной,

О сыне маленьком скорблю,
Мне все твердят, что время лечит,
Но я разлуку не терплю,
И мне ее заполнить нечем.

Я памятью своей живу
И нить суровую сплетаю...
Живу во сне, как наяву,
И пробужденья ожидаю.

* * *

Без любви проживаем на свете,
Наши чувства затянуты в жгут.
Оттого несчастливые дети
Обезнеженно в мире живут.

МЕТАМОРФОЗА

Он меня совсем не узнает,
А твердит, что знает — явно врет.
Говорит, что помнит, ей-ей-ей...
А глаза все уже, глазки злей.
Не обманет этот аживый взгляд,
Что ни слово, что ни буква — яд.
Развалился надвое язык.
Жало вижу и змеиный лик.
Ухожу, душа мне так велит,
Он мне вслед уже без слов шипит..

* * *

Вновь за окошком слякоть,
В сенях тоскует пес.
Во сне не стыдно плакать,
Во сне не видно слез.

Когда душе тревожно,
Когда душа болит,
Во сне поплакать можно,
Укрывшись от обид.

ПАМЯТИ Ю. КУЗНЕЦОВА

И хорошо, и одиноко,
И по-осеннему легко.
Все, что до срока — то от Бога!
И все, что в срок — то от Него.

Светлеют призрачные дали,
Густеет воздух, как стекло.
Мы в жизни многое познали,
И не познали ничего.

Поэт уходит. Вслед ни слова —
Молчит любимая страна.
Когда еще родит такого
В России русская жена?

Когда в тиши земного сада
Плоды покаты по ветвям?
Страна моя, тебе бы надо
Знать цену лучшим сыновьям!

Гудит патруженно дорога,
Над ней — вселенская тропа.
И хорошо, и одиноко,
И Богу вверена судьба.

ВЕСЕННИЙ МОТИВ

Послушай, как почки на веточках дышат...
Хочу тебя видеть, хочу тебя слышать!

Весеннего леса призывные трубы...
Хочу целовать земляничные губы!

Ты выйди навстречу, на то перепутье,
Мы встретимся вновь, времена перепутав.

Ты только не рви тонких завязей нити —
Хочу тебя слышать, хочу тебя видеть.

Александру Кохановскому

«Агдам», «Портвейн», «Ркацители»...
Стихи читали, песни пели
Вдвоем за кухонным столом
И допоздна о том, о сем:
Вновь у меня не шли дела,
А от тебя жена ушла.
Краюха хлеба, кетчуп, соль.
И жизнь то поперек, то вдоль.
А там вдали то снег, то град.
Давай еще «накатим», брат,
По кружке светлого вина —
У нас ведь Родина одна,
У нас еще тепло в доме,
Но очень страшно одному!
И потому с тобой вдвоем,
О Родине печалюсь, пьем...

МЫСЛИ ПО СЛУЧАЮ...

Что за день? Прескверная погода,
Нудный дождь извел меня совсем.
Холодно. Бездарная работа,
Голова забита черте чем.
Телефон подпрыгивает звонко,
Не возьму я трубку — «хватит, ша»,
Говорят, что рвется там, где тонко, —
У поэтов тонкая душа.
Что за день? Пустые разговоры —
Впору выть по-волчьи на луну,
Не хочу с самим собою ссоры —
На замочек душу застегну.

НОЧНОЙ ПУТЬ

Свет переходит из дальнего в ближний,
Луч очертил темно-алые вишни.
Первый мороз, — и неожиданные встречи
Что же ты кутаешь в облако плечи?

Двигается, движется свет одинокий.
Кто-то незримый стоит у дороги,
Кто-то, кому-то сегодня так нужен.
Свет в чистом поле туманом притушен.

Что там — вдали, за крутым поворотом,
Эхом разносится — что там, ну что там?
Свет переходит из ближнего в дальний —
Смысла бытия неразгаданный, тайный...

Тьму разрезает ночная дорога
Все от судьбы, все от господя Бога!

* * *

Божественный миг бытия —
Мелькнула улыбка твоя,
Мелькнул и осыпался взгляд,
Лишь искорки смеха звенят.

Рассыпалось время, лишь сон
Хранит тот божественный звон.
И в светлых прожилочках дня
Мелькает улыбка твоя.

СНЕГУРОЧКА

Я целую тебя, я целую,
Я хочу растопить ледяную, —
Ледяную твою любовь,
Все теплее, теплеет кровь...

Я целую тебя, я целую —
Вот уже поцелуй к поцелую,
Вот уже твои губы дрожат,
И слова — невпопад, невпопад.

Я люблю тебя, слышишь? Люблю,
Ледяную тебя растоплю —
Растоплю, растоплю — растопил...
Теплый дождик снега окропил.

Где же та, что любимой была?
Белым облаком вдале поплыла.

Я не знаю, что будет со мной,
Я не знаю, что будет с тобою,
Но любовью любить неземной
Нам позволено все же судьбою.

Распускаются листья весной,
И цветы по пригоркам гурьбою,
Я не знаю, что будет со мной,
Я не знаю, что будет с тобою.

Проплывут облака над землей
И растают вдали, за холмами.
Я не знаю, что будет с тобой,
Между мной и тобой — между нами!

Ветру белому вслед я кричу:
«Донеси этот зов до любимой!»
И страдать, и любить я хочу
За пределами жизни счастливой.

* * *

Куда ведет меня дорога,
Куда змеится санный след?
Красивых женщин очень много,
А некрасивых вовсе нет.

Куда ведет меня тревога,
Лишняя разума и сна?
Желанных женщин в мире много,
Но всех желаннее одна.

* * *

По воле случая, по воле
Других каких-то странных сил
Ко мне пришли любовь и горе,
«Зачем пришли?» — я их спросил.

Ответа долго дожидался,
К ночи трезвел и снова пил,
Лишь ветер весело смеялся,
И дождик слезно моросил...

Они ушли вдвоем под утро,
Одновременно, как пришли.
И мимоходом, так, попутно —
Сомненья в душу занесли.

* * *

Не верьте гороскопам,
По звездам не гадайте.
Хотите знать о многом,
Но лучше меньше знайте.

С судьбой играть не надо,
Заигрывать тем паче,
В метельном листопаде
Ловите миг удачи.

Не примеряйтесь к срокам
И души не терзайте.
Мы все живем под Богом,
Гадайте, не гадайте...

Нам, наверное, нужно расстаться:
Кроме пепла, лишь воздух в горсти...
Тебе снова и снова влюбляться,
Мне же в тихую гавань грести.

И печалиться, верь мне, не надо,
Ни себя, ни меня не виши,
В хрупких листьях опавшего сада
Золотые мерещатся дни.

Дни, в которых и зрелость, и смелость,
И любви нерастроченный пыл;
Мне ведь тоже безумно хотелось —
Так любить, как никто не любил...

Незаметно вдруг осень настала,
И опять далеко до весны...
А любовь, что как призрак витайла,
Вновь вернет нас в июльские сны.

ДАЧНЫЙ РОМАН

В доме запахло морозным бельем,
С женщиной этой мы в доме вдвоем.
В печке огонь превращается в дым,
Пенится снег за окошком ночным,
Верная муза, обидевшись, спит
Чайник пузатый, надувшись, фырчит.
Светлые тени бегут по стене,
Светлые мысли рождая во мне.
Кресло, топчан, подвесная кровать,
Стрелки часов указующе: «Спать»...
Только мы вряд ли сегодня уснем,
Женщина пахнет морозным бельем...
Грею ей руки дыханьем своим.
Целую вечность сидим и молчим.
Ветер в окошко и ветер в трубе —
Белая ночь белой нитью в судьбе.

Слова вдруг повернулись вспять
Поверить в это невозможно —
Ты предаешь меня опять,
Ты предаешь меня безбожно.

Я, видно, тронулся умом:
Лечу, лечу по белу свету,
Как будто в поезде пустом,
Где машиниста даже нету.

На стыках времени стучат
Минуты — дни, года — мгновенья...
Слова заученно звучат —
Им далеко до откровенья.

Где мысли Таинства полны
Еще в зачатъе слов неясных,
Жить ожиданьем слов прекрасных,
Похоже, мы обречены.

Мною прожито немало,
Много пройдено дорог...
И швыряло, и трепало,
Да не шло, как видно, впрок.

Вновь и вновь я ошибался,
На ответ искал ответ.
У пивнушек опивался,
А потом не пил... сто лет.

Так и жил, искал чего-то,
То ли свет в прожилках тьмы?
До семнадцатого пота
Рыл распадки Колымы.

Нелегко порой бывало
И бывало хорошо...
Мною прожито немало,
Мало понято еще.

Перед бездною робею
И молюсь, молюсь судьбе.
Может быть, еще успею —
Что-нибудь понять в себе.

* * *

Мелькают за датою дата,
Как тени дорожных столбов,
Все в жизни проходит когда-го.
И даже любовь.

Над лесом летят, словно птицы,
Дымы облаков.
Все в жизни опять повторится.
И даже любовь.

Какая благодать —
Мне с Вами не встречаться,
Не думать, не страдать,
Не слышать, не смущаться.

Какая благодать —
Ловить чужие взгляды.
О, если б мог я знать,
Что в поцелуях яды!

О, если б мог я знать,
Что скрыто за словами,
Какая благодать —
Что я уже не с Вами!

Но больно обрывать
Любви увядшей нити.
Какая благодать —
Хоть изредка Вас видеть...

Был я с тобою и нежным, и страстным,
Вкус твоих губ до сих пор на губах.
Что же ты мучаешь словом ненастным,
Что же так холода много в словах?

Будто и не было теплого лета,
Той сенокосной июльской поры,
Где мы с тобою на краешке света
Райского сада вкушали плоды...

Годы прошли, снегопадами, ливнями
То ли во сне, то ли все наяву —
Памятью доброй, мгновеньями дивными,
Светлой любовью я в мире живу.

Я прошел такие холода,
Я был там, где только снег и ветер,
Где сгущалось небо, как вода,
Леденели звезды на рассвете.

Я прошел такие холода,
Я «мурцовки» хлебнула острожной,
И теперь мирская суета
Кажется пустой мне и ничтожной.

Я прошел такие холода,
Где и вправду леденело тело,
Оттого так рано борода
На лице морозном побелела.

Я прошел такие холода..
Но душа к любви не охладела.
Все прошло — радость, и беда.
Все пришло и.. вновь душа задела.

Моего беспробудного пьянства
На три жизни хватило б с лихвой,
Нарушая закон постоянства —
Я играл и собой, и судьбой.

Я тонул в оксана сивушном
И сдавался в неравном бою,
Я искал в этом мире бездушном,
Заплутавшую душу свою.

Ну а мне то портвейна, то рома
Подливали в осклизлый стакан,
Чтоб забыл очертания Дома,
Чтоб забыл очертания стран.

Чтоб бродил беспризорно по свету
И свободные земли искал.
Оглянулся, и Родины нету —
Я по пьянке ее распродал.

Все продал и ворота, и ставни,
Не укрыться теперь и во сне —
Даже друг мой далекий, мой давний
Стал вражиною преданной мне.

И теперь без конца и начала
В круговерти безумных страстей —
Затерялась душа, одичала
И живет где-то жизнью ничьей.

Любимая! Какая благодать —
Переплелись две ниточки в судьбе.
Мне б от любви к тебе не зарыдать,
Не заболеть бы нежностью к тебе.

От холода и маленьких обид
Уйдем с тобой, нам это не впервые...
Послушай лучше, как река шумит,
После дождя, в минуты грозовые.

Еще грозит нам туча в далеке,
Но все светлей, светлее над полями.
Твоя рука лежит в моей руке,
И ток любви струится между нами...

Жизнь от свиданья до свиданья —
Свой путь мощу...
И в лабиринтах мирозданья
Тебя ищу.
Брожу по улочкам осенним,
Вслед за тобой,
И чьи-то призрачные тени
За мной, гурьбой.
Жизнь от разлуки, до разлуки —
Столетний бег,
И обжигает мои руки
Прощальный снег.
И слов несслепленные звуки —
Издалика..
И нецелованные руки
В моих руках...

* * *

Лучше б я был в этом мире блаженным —
Был бы смиренен и тих,
Был бы тогда до конца откровенным
Даже в раздумьях своих.

* * *

Вот и вышел на новый виток,
Позади мой исход, мой исток.
По спирали — то вверх вдруг, то вниз,
Болью ясной пронизана жизнь.

То светлей, то темней небеса.
То в глазах, то под сердцем слеза.
То пронзительный голос в ночи.
И душа то поет, то кричит...

На исходе кукушкиных дней
Разольется любовью моей.

Вновь на гармошке играют страданья,
Слышится голос вдали...
Все забери, но оставь ожиданье
Светлых мгновений любви,

Все забери, но оставь в наказанье
Нежное горе мое.
Переполняется чаша страданья,
Не расплескать бы ее.

Переполняется чаша желанья,
Милая, слышишь, молчи.
Все забери, но оставь обещанье
Светлого часа в Ночи.

Все забери, но оставь в оправданье
Слово, что в сердце таю...
Через века я спешу на свиданье
И об одном лишь молю, —

«Все забери, но оставь ожиданье
Светлых мгновений любви».
Вновь на гармошке играют страданья,
Слышится голос вдали.

* * *

Привык играть словами,
О том шумит молва...
Коснулся губ губами
И... позабыл слова.

Все позабыл навеки,
Что до меня рекли,
И слов немые реки
По жилам потекли...

ЗАПОЗДАЛОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Листья с берез облетают,
Кружат в пространстве они.
Светлыми почи бывают,
Темными белые дни.
Все перемешано все,
Горе и радость в одном —
В прямоугольном сосуде,
Что называется дом.
Дом с переборками света,
Стены с прожилками тьмы,
Радости жаркого лета,
Горести лютой зимы.
С каждой минутой дороже
Явь, уходящая в сны.
Что же так сердце тревожит
Чувство забытой вины?
То ли лесов просветленье,
То ли осенняя тишь?
Первой снежинки рожденье,
Как не гляди — проглядишь.
Время нас учит терпенью,
Сказанных слов не вернуть.
Путь от любви к откровенью —
Долгий извилистый путь.

* * *

Как жить на свете не любя,
Скажи, как жить?
Я позабыл давно тебя,
Порвалась нить,
Соединяющая нас
В одном мире.
Я растворюсь, исчезну с глаз,
В пургу нырну...
И все же буду на миру
Другой прощен.
Я для тебя одной — умру,
Живя еще...

Жизнь, будто поезд, проносится мимо,
Женщина эта лишь мною любима —
Только понять она это не хочет
И над моею любовью хохочет.

Весело ей в этой жизни живется,
Сердце ее без страдания бьется —
Видно, живет на земле и не знает,
Что от любви иногда умирают.

Вот и смеется, не ведая боли,
Мне же страдать неизвестно доколе.
Лето, зима — время мчится и мчится,
Женщина эта ночами мне спится.

Звонко смеется, меня провожая,
Женщина эта — родная, чужая.

* * *

Разлюбви меня, разлюбви,
Всему миру о том раструби,
Опусти моих слов невода
В полынью, где густеет вода,
Где мороза узорная пить
Будет строчки беззлюбные пить,
Днем за днем лоскуточки любви...
Разлюбви меня, разлюбви,
За обманные речи прости
И по миру бродить отпусти —
Там, где небо сольется с рекой,
Может быть, обрету я покой
От тебя и от мира вдали —
Вспоминать буду я о любви.

Вот и прошла эта странная ночь,
Слов было сказано сколько?!
Что теперь воду в ступе толочь —
Брызги в лицо, да и только.

Что теперь новое в старом искать,
Молью «почиканы» платья.
Лучше б друг друга нам вовсе не знать,
Чем разрывать объятия.

Слов бесполезных ушла суета,
Звуки все дальше и глуше.
Вот и расстались — в душе пустота,
И пустота снаружи.

И не понять мне — где я, а где ты
В этом просторном мире?
Время не терпит нигде пустоты,
Даже в пустой квартире.

Чем-то заполнить мне надо ее,
Чтоб после долгих странствий,
Слышать, как дышит имя твое
В этом глухом пространстве.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

В этот день я с вами, вы со мной —
Двери потаенные открыты,
Здесь какой-то шепот неземной
И цвета закатные разлиты.

Здесь любовь, как синева, чиста
И разлуки ничего не значат.
Здесь, по эту сторону креста
И по ту, бесслезно тихо плачут.

В этот день встречаемся мы вновь,
Память наша, наша боль и радость.
Неземная, вечная любовь
Нам от Бога каждому досталась.

О чем не сказано еще,
О чем не спето.
Мое молчание не в счет,
Есть счет на это.

Когда о глупом говоря,
Вдруг судят строго,
Я понимаю, что не зря
Молчал до срока.

Я понимаю, что года
Лишь вешки круга..
Когда случайно, навсегда
Теряешь друга.

Когда на новом вираже
Потери множишь,
О чем неведано уже
Сказать не сможешь.

Везло тебе, иль не везло —
Все там, в помине.
Добро и зло, добро и зло —
Ты между ними...

К СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Отступили на шаг, отступили на два,
Так и дальше идем в отступленье,
И уже чернотой отдает синева,
И ума, и безумья смешенье.

Вот уже над Россией темны облака
И в просветах лишь хмурые лица,
Но сквозь дым баррикад проступают века,
Где Россия светла, как царица!

РОССИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Все обустроилось в жизни,
Видимо, правильно жил.
Только тоска по Отчизне,
Той, что я в детстве любил,

Только печаль мировая
После столь долгих дорог,
Батя сказал умирая —
Как же вы дальше, сынок..

Видимо, думал он, зная,
Что ожидает нас всех
Междоусобица злая
И неотмоленный грех.

Трапезы реже, чем тризны,
Радости всей на пятак.
Думал, все сладилось в жизни,
Но оказалось не так.

Вновь мои русские братья
Кличут меня по утрам...
Я обещал тебе, батя —
Русь никому не отдам!

КОНЕЦ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Снова тьма среди белого дня,
Затопила и воды, и сушу.
Будто вывернула кто-то меня —
Все наружу: и сердце, и душу.

И стою перед миром враспах,
Ощущая колючие взгляды,
То ли пот по спине, то ли страх,
То ли люди вокруг, то ли гады?

В темных тучах полоска зари
Проступает и медленно тает.
Уползают во тьму упыри,
А в округе светает, светает.

Больше света и... больше стыда,
Оттого, что укрыться мне печем,
Что душа отовсюду видна,
Оттого, что так мир переменчив.

Нет границы меж светом и тьмой,
Нет границы ни в небе, ни в поле.
Нет границы меж мною и мной —
Между добрым и злым поневоле.

Среди февральской зимней стужи
Белее белого вода, —
Прозрачной кажется снаружи,
Но что же там в глубинах льда?

Что там спрессовано до тверди,
Блестит, как вымытый свинец...
Быть может там начало смерти
Иль жизни праведной конец.

Была живительная влага
И не хватало лишь огня.
Рождался свет из тьмы, из мрака
И освещал начало дня.

Плескалась жизнь на белом свете,
Темнела в омутах вода...
И жизнь закидывала сети,
Смерть опускала невода.

СМУТА В СТОЛИЦЕ

Гудят колокола:
Гудит, гудит столица,
Прямые зеркала,
А в них кривые лица —
Искажены черты
И время преломилось.
Где, у какой черты
Нас успокоит милость
Всевышнего судьи,
Вершителя всех судеб?
Но люд гудит, гудит
И Слово тонет в смуте.

Как больно рождается Слово,
В нем сила бунтует и страсть.
Слезой это слово готово
На лист белоснежный упасть.

Как больно рождается Слово,
Минуя безмолвья запрет.
Как больно... но снова и снова
Словам появляться на свет.

Из донных глубин мироздания,
Из памяти вечной живой —
Слова любованья, страдания
И грусти обычной людской.

На лист белоснежной бумаги
Ложатся среди линий косых
Земные печали и страхи,
И радость от чувств неземных...

Под сенью небесного крова,
В предутренней, летней тиши
Рождается новое слово
Загадочной русской души.

БОМЖ

Ни угла, ни каалиточки нету
И в кармане давно ни гроша.
Одиноко гуляет по свету
Позабытая всеми душа.

Дождь со снегом, да северный ветер
Продувает бродягу насквозь..
И живет он мечтою о лете,
И надеется он на авось..

Со своим одиночеством спорит
И с надеждой глядит в небеса,
И кому-то незримому вторит,
И слезятся по-детски глаза.

Все вдребезги — любовь, вино —
Не склеить чашку голубую.
Жизнь, как бапальное кино,
Все вкруговую, вкруговую.

Механик крутит колесо —
Поля, холмы, лесные дали.
И вот уже твое лицо
Фрагментами мелькает в зале.

Кусочки дней, обрывки слов
И тьма, врачующая душу.
Похоже, мне из прошлых снов
Уже не выбратъся наружу.

И киноленты рваный бег,
И жизни светлые излуки,
И этот сумасшедший век —
Мне подаривший боль разлуки.

* * *

Снова парад планет —
Сумрачный свет в дому.
Тьма порождает свет,
Свет порождает тьму.

В черном — снежинки звезд,
В светлом — прожилки тьмы,
Сколько до лета верст,
Столько и до зимы.

Время в пространстве — миг,
Точкой дрожит зенит,
В небе ночном родник
Свет неземной струит...

Тьма порождает свет,
Свет освещает тьму,
Времени путаный след
Тает в осеннем дыму.

Помолчи, дружище, помолчи —
Сколько слов рассыпано в ночи,
Сколько слов потеряно уже,
Только звуки странные в душе.

Ничего понять я не могу,
Сколько слов рассыпал на бегу,
Сколько слов красивых не сберег —
Только воздух в середине строк,

Только песен нежных недопев,
Только в сердце непонятный гнев.
Вот и кайся, признанный поэт,
За слова, которых в мире нет,

За слова, что в рощах не нашел,
За стихи, что складывал ты в стол,
За грехи свои и не свои,
Боль-обиду в сердце не таи.

Осень прохладною дышит,
Лист тополиный шуршит...
Друг меня, видно, не слышит,
Все о любви говорит.

Друг мой, очнись от обмана,
Все пребываешь во сне.
Поздно уже, или рано
Думать, мечтать о весне.

Осень туманит овраги
И просветляется высь.
Друг мой, забудь свои страхи,
Все, что вокруг — это жизнь.

Время весенних разливов,
Знаю и верю, придет.
Господи, сделай счастливым
Мой несчастливый народ.

Соленое и пресное
По кругу из ковша,
Земное и небесное —
Все принимай душа.

Все принимай, родимая,
Благие сны творя,
И явная, и мнимая
В них жизнь течет моя.

Все тайны мироздания,
Как истины, просты —
Прощанья и свидания
У роковой черты.

Жизнь, как стена отвесная,
То вверх и вверх, то вниз,
Земное и небесное
Соединяет жизнь.

Я позабыть тебя забыл
И потому ты в сны приходишь,
И речи странные заводишь,
И спрашиваешь, где я был..?

А где я был, а где я был —
Припомнить, право, очень трудно.
На Колыме в распадах стыл
И в общежитьях жил прибудно.

Теперь не вспомнить — где, когда
И в чьих объятьях просыпался?
Все было — радость и беда,
Незванным был и званным звался.

Я по местам глухим бродил,
Бродил задумчиво по свету,
А ты все, где, ну, где я был?
Да там где был, меня уж нету.

Где суждено мне завтра быть,
О том ни я, никто не знает.
Я позабыл тебя забыть —
Твой образ в памяти витает..

РОМАНС

Эту чашу я выпью до дна —
Одиночества полную чашу.
Этой ночью опять не до сна —
Погадай мне, апрель, на удачу.

Чтобы женщина рядом была
И не просто была, а любила.
Чтобы лодка по морю плыла
И звезда, чтоб над нею светила.

Чтобы в сердце надежда жила,
А разлука-разлучица — мимо.
Чтобы женщина рядом была
И была только мною любима.

Чтоб черемуха в мас цвела,
Чтобы удадь, как брага, бродила.
Чтоб любимая рядом была
И не просто была, а любила...

Эту чашу я выпил до дна,
А к другой недопитой не манит.
И качает, качает волна
Мою лодку в любовном тумане.

* * *

Доверившись судьбе,
Обманут был судьбой,
Я преданный тебе,
Я преданный тобой.

В моих годах зима —
Разлуки тайный знак,
Давно б сошел с ума,
Да вот не знаю как.

В тумане путь незрим
И даль не разглядеть.
И от любви лишь дым
Плещет неслышно сеть,

В которую опять
Я попаду легко.
Мне ночь не угадать,
И к свету далеко.

ВРЕМЯ

Перебираю четки,
Мои движенья четки.
Перебираю даты, —
То будни, то парады.
Перебираю звуки,
То лай, то вой в округе.
Перебираю страхи —
Любовь спасла от плахи.
Перебираю дали —
Глаза глядеть устали.
Перебираю четки,
А зимний день короткий...

ПРОШЛОЕ

Туда нельзя вернуться вновь,
Там нет ни шороха, ни звука,
Там где-то горькая любовь,
Там где-то сладкая разлука.

Там сны, не сившиеся мне,
Там дни, не прожитые мною,
Там, утонувшая в вине,
Неправда, ставшая виною.

Там полусвет, там полутьма,
Там гений в поисках ответа,
Там чья-то тяжкая сума,
Недонесенная до света.

МОЛИТВА

Убереги меня, Господь!
От провиденья
На сутки, на минуту хоть,
Хоть на мгновенье.

Убереги меня, Господь!
От лихолетья
На сутки, на минуту хоть,
Хоть на столетье.

Убереги меня, Господь,
И от забвенья.
Когда душа покинет плоть,
Дай ей прозренья.

И день, и два, и год пройдет...
Сто лет — одно мгновение.
То воды талые, то лед,
То смерть, то вновь рождение.
Круговорот — за годом год,
И бесконечно длиною
Мир мыслью тайною живет,
И нет конца предвиденью,
И мой загадочный двойник
Во времени и странствии —
То юный отпрыск, то старик
Бредет, бредет до станции,
Где в ожидании народ
Творит столпотворение.
Круговорот — за годом год.
Сто лет — одно мгновение.

Шансы мои, наверное,
Ближе всего к нулю.
Женщина эта неверная
Мне говорила «люблю».

Верил я этой женщине,
Верю теперь, сейчас.
Были мы ветром венчаны,
В ветреный день и час.

Что ж мне на ветер советовать
Или ругать судьбу.
Вам всем легко советовать,
Все, мол, давно на виду.

Знаете вы, наверное
То, что любовь слепа.
Женщина эта неверная —
Все же моя судьба.

КУКУШКА

Немного и немало,
Но выбора здесь нет —
Сто лет накуковала,
Всего лишь сотню лет.

А дальше не сказала,
Как дальше быть и жить..
В любви сто лет — так мало,
Любви всей не испить.

Кукушечка, кукушка,
Пропой еще, пропой,
Иль нашепчи на ушко
И тайну приоткрой

О тех годах далеких,
Что будут впереди.
От камня — три дороги,
Скажи, куда идти.

Мне влево, или вправо,
Иль смело — по прямой?
Ну что ты замолчала?
Пой, серенькая, пой..

А жизнь — людей столпотворенье
Среди домой и городов,
А жизнь — раздоры и общенья,
А жизнь — обиды и прощенья
И смех невест, и слезы вдов.

А жизнь — непаханое поле
И трав нескошенных дурман,
А жизнь — то воля, то неволя,
А жизнь — непосланная доля
И слов несказанных обман.

А жизнь — сплошное сновиденье
И явь, похожая на сон,
Зеркальных мыслей отраженье
И страх до умопомраченья,
И колокольный перезвон.

Жизнь — годы славы и забвенья.
Жизнь — тьма веков и миг прозренья...

На любовь не ворожи,
Ворожба — есть смута.
В моей жизни виражи —
Влево, вправо круто.

В моей жизни миражи,
Утром затуманит...
Ворожи, не ворожи,
А любовь обманет.

Вправо, влево виражи,
Ветер время студит.
На разлуку ворожи —
Пусть ее не будет.

А любовью дорожи,
Сердце не обманет.
Лист березовый дрожит,
Скоро в зиму канет...

Всю жизнь мы играем в рулетку —
Меняем на медь серебро.
Подброшу повыше монетку,
А вдруг упадет на ребро.

А вдруг повезет ненароком
И радость сумею узреть.
Каким только вывернет боком?
С какой стороны посмотреть?

Кидаю повыше монетку —
Летит, тихой медью звеня...
Вновь ставит округлую метку,
Вновь падает наземь плащмя.

Орел или решка — не знаю,
Удачу в руках покручу
И вверх ее, дуру, бросаю,
И знать ничего не хочу.

Устал притворяться, устал преклоняться,
Устал ошибаться на долгом пути.
Мне чаще и чаще сны вещие снятся,
В которых печаль и любовь впереди.

Все чаще и чаще врываются в память
Весенние ветры с родной стороны.
Мне б время по полочкам точно расставить,
Да времени нету досматривать сны,

В которых пространство и время иное,
В которых, как будто, присутствую я.
Там грозное небо, там ливни стеною,
Но только не слышно журчанье дождя.

Все ясно, все смутно в тех снах одиноких,
Ни запаха пепла, ни вкуса огня.
Там к рекам молочным сбегают дороги,
Там голос без слов окликает меня.

Я помню чудное мгновенье...

А.С. Пушкин

А время высветит случайно
Твой образ из крошечной тьмы
И станет грустно и печально
От встречи радостной, увы,

Увы, увы — мой друг прекрасный,
Всего лишь образ твой в ночи,
И зов мой страждущий, напрасный,
И колыхание свечи.

Все это призрачно, туманно
Из тьмы веков — за кругом круг.
Нельзя, как видно, без обмана
Обманной мой, любимый друг.

Ты где-то вновь в осенних куцах
Бредешь, листвою шелестя,
А я, среди напрасно ждущих,
Все жду с надеждою тебя.

КОЛЫМА

Я прошел эту школу злосчастья
В половодном течении дней,
Где душа разрывалась на части
От любви бесприютной моей.

Сколько сил потрастил напрасно,
Сколько верст по земле исходил...
Нелюбимую женщину страстно,
Как придуманный образ любил.

И терялся в догадках тревожных,
Всем и все без обиды прощал.
В поцелуях, заведомо — ложных
Горький привкус любви ощущал.

Были светлые дни и ненастья —
Видно так нам от века дано.
Я прошел эту школу злосчастья,
Поднимаясь на самое дно.

Будь счастлива и дальше без меня,
Я твой покой ничем уж не нарушу,
Пойду по миру, лирою звеня —
Она спасет и успокоит душу.

А ты живи спокойно, как жила,
До той минуты, роковой, быть может,
Я понимаю, что твои дела
Всех дел других важнее и дороже.

Будь счастлива отныне и всегда,
А я молиться неустанно буду..
Пусть над тобой горит моя звезда
И день, и ночь, и каждую минуту.

СТИХИ ДЛЯ РОМАНСА

Рвануть бы, да сил уже нету,
Заплакать, да сухость в глазах.
Бродил я по белому свету
И свет тот искал в небесах.

Земные, степные дороги
Я тысячу раз исходил...
Я все не думал о Боге,
Со мною незримо он был.

Иначе сторел бы от боли
Бесчисленных бед и обид.
В холодном заснеженном поле
Я был бы друзьями забыт.

Смеяться и плакать от счастья,
Что нужно нам в мире еще,
И ликом светлеть от причастья,
И знать, что ты Богом прощен!

ПРЕДЗИМЬЕ

Этот воздух опять с придыханьем ловлю —
В нем хрустящие атомы лета..
Я люблю это время, я очень люблю
Эти дни перед белым рассветом.

За ночь все побелеет, притихнет вокруг.
Я пойду по скрипучему снегу,
И какой-то глубинный прорежется слух —
Я услышу щуршанье молекул.

Воздух этот тягучий, как мед,
Опьянит и совсем одурманит.
В тишине не замечу, как время пройдет
И зима незаметно нагрянет.

* * *

Ты думаешь, грехи простятся,
Обман простится и вранье,
В толпе нетрудно затеряться,
Труднее выйти из нее.

В толпе размыты ливнем лица
И кто есть кто, не разобрать.
Ты думаешь, тебе простится,
Что ты с толпой шел убивать?

Ты думаешь, тебе зачтется,
Что был рабом в людской толпе...
По одному предстать придется —
На Божьем праведном суде.

* * *

Ты о чем задумался поэт?
Как поэт — поэту дам совет!
Не ищи того, что не найдешь.
В каждой правде — изначально ложь.

Ложь от правды трудно отличить,
Ну, да что, поэт, тебя учить...
Сам, ведь знаешь — истина в вине —
Прикорнула бедная на дне.

Правда в том, что правды в мире нет,
Так о чем ты думаешь, поэт?

* * *

Я сотворил себя
По твоему подобию,
С тех пор живу любя
И ненавидя копию.

Я сотворил тебя
По своему подобию,
И ты живешь любя,
И ненавидя копию.

КУРОРТНЫЙ РОМАН

Пили кофе с названием «Чибо»
И пружинили нежно кровать,
И «спасибо тебе» за «спасибо»
Мы успели друг другу сказать.

А потом бесконечные годы
И бесчисленных дней череда —
В этих поисках мнимой свободы
Я тебя потерял навсегда.

Память грешная, — молотый «Чибо»
В холостяцком углу заварю,
Позабывтое слово «спасибо»
Я судьбе и тебе говорю.

* * *

Я мог бы стать великим кулинаром
И дар бы свой всем раздавал бы даром,
Готовил бы прекрасные обеды,
Давал бы милым женщинам советы.

Я потчевал бы всех хорошей пищей,
Пусть неБогатым был бы (даже нищим),
Но был бы я обласкан белым светом...
Вмешалось «бы» — я просто стал поэтом.

О ВЛАСТИ

Ну что, наелись всласть?
Тогда отдайте власть,
Пускай другая власть
Накушается всласть.

ЛЖЕМИССИЯ

Себя возносишь до небес,
До тех небес, где правит бес,
А выше Бог и правды суть —
Тебе туда неведом путь.
Ведь источая злобный дух,
Ты никому ни враг, ни друг.

В час, когда сердцу поется,
Ты уж, поэт, не злословь.
То, что любовью зовется,
Чаще всего не любовь.

Знаешь, как сердце ранимо
Без родового ребра.
То, что с любовью сравнимо —
Чаще всего лишь игра.

Видно нельзя без обмана,
Верим и верится вновь.
Только душевная рана
Напоминает любовь.

Впрочем и здесь оговорка,
Впрочем и здесь словеса.
Жизнь — вертикальная гонка —
Горе, любовь, небеса...

Средь подобных, среди равных
Мне случайно повезло —
Я извлек из чисел явных
Неизвестное число.

Дату первого рожденья
И последующих за ней
Сквозь имен столпотворенья
И тщету вселенских дней.

Я извлек из чисел слово
Пятизвучное одно,
Что б средь холода земного
Душу теплило оно.

Сушеный виноград —
уже не виноград,
И лук сухой нас плакать
не заставит,
И если этой жизни
ты не рад,
То, значит, кто-то
этой жизнью правит.

В сухие дни так хочется
дождя,
И он приходит с грозовой
тучей,
И ты резвишься,
времени дитя,
Как хорошо, что повод есть
и случай.

Хвалу лозе я воспою
сто крат,
И все ж закончу на минорной
ноте —
Сушеный виноград,
уже не виноград —
Он для вина ни капли
не пригоден.

УТРО В ВАННОЙ КОМНАТЕ

Бормочет кран,
Я умываюсь молча.
В углу стакан,
На нем кусочек «скотча».
Оклеен край,
Чтобы не резать губы,
Бормочет кран,
А я шлифую зубы.
«Лесной бальзам»
Напоминает лето —
Жизнь по часам
Расписана зачем-то.
Чай на ходу...
Бежим, спешим куда-то.
В каком году,
Похоже, знать не надо.
В трамвай, в авто
Успеть бы протолкнуться,
Забыв в пальто
Нырнуть и застегнуться.
Уже январь
И серебрятся снега,
Горит фонарь,
Качаясь у аптеки,
Любовь, обман...
Сто тысяч раз случится.
Бормочет кран,
Жизнь, как вода, струится.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР С ПЕТЕРБУРГОМ

Я слышу, как в Питере лает собака,
Но в голосе друга не слышится страха.

Я слышу, как в Питере дождь шелестит,
А здесь белый ливень по крыше стучит.

Я слышу, как в Питере друг мой вздыхает
И слышу, как дождь за окном затихает.

Все в мире по кругу — дожди, снегопады,
И мы с моим другом общению рады...

Я слышу, как в Питере лает собака,
В квартире у друга тепло ей, однако.

Никнут в оврагах осенние травы,
Листья рябины горят.
Вот я и дожил до уличной славы —
«Здрасьте» мне все говорят.

«Здрасьте» в ответ я с почтеньем киваю,
Дальше иду вдоль села.
Жаль, что на Родине редко бываю,
Вы уж простите — дела...

Жизнь проживаем не так, как мечталось,
Многих друзей уже нет.
Вот и на плечи присела усталость
Тяжестью прожитых лет.

Здравствуй сосед и соседушка Дарья,
Не был у вас я давно.
Встретились вот и опять до свиданья.
Скоро ли будет оно?

Все здесь, как прежде: обычаи, нравы,
Говор мне близких людей.
Нет ничего лучше уличной славы
В милой отчизне моей.

* * *

Все и вся из ничего не явлено.
Плоть от плоти, а от духа — дух.
Все, похоже, в этом мире правильно —
Есть стада, а значит, есть пастух.

Все и вся — недолгое и вечное,
Длинный путь и краткая тропа,
Черный фрак и платье подвенечное,
И судьба, незримая судьба.

Все и вся — молчание тревожное,
Откровений ждущая душа.
Все возможно, даже невозможное —
В этом жизнь чудна и хороша.

Все пройдет, но останутся вечно
Наши думы на этой земле —
И тропинки в созвездии Млечном,
И нетронутый чай на столе.

Все пройдет, но забыться не сможет
Белый иней в морозном окне.
Каждый день, что бессмысленно прожит,
Проживать будем позже, во сне.

Все пройдет, только горечь утраты
Навсегда будет болью земной.
Никакой не потребую платы,
Все бесценно, что было со мной.

Будет вечной забота о хлебе,
Будут длиться, сменяться века,
Все пройдет, но останутся в небе —
Облака, облака, облака...

Будут плыть они в синем тумане
Круг за кругом, смыкая года,
и в конце наших долгих скитаний
Хлынет вдруг дождевая вода.

И омоет, отмоет нас грешных,
И спасет от мирской суеты,
И любимых, хороших, нездешних
Встретим мы у незримой черты.

Вот и замкнулась дорога скитаний,
Вышел к началу земного пути.
Годы любви и столетья страданий
Смог я до этого дня донести.

Что же теперь, начинать все сначала
В белые ливни, в грибные дожди...
Крикнул, и эхо в ответ прокричало —
«Жизнь бесконечна, иди и иди».

Что же по кругу, так значит по кругу,
В круге начало всему и конец.
Чу! Остановка — прислушался к звуку —
Песню заводит залетный скворец.

Чудное, дивное, нежное пенье
Эхом разносится в круге втором.
Так и живем от рожденья к рожденью —
И никогда, никогда не умрем...

За тем, за облачным пределом
Я новых звезд не открывал.
Живу на этом свете белом —
Господь мне радость даровал.

Гляжу в распахнутое небо,
Где синь сгущается во мгле.
Нет ничего дороже хлеба
На этой праведной земле.

Господь отмерил меру знаний
На всех, чтоб каждый был умен,
Ведь человек из всех созданий
Бессмертным духом наделен.

Так отчего ж в земных скитаньях
Мы боязливы и глупы,
Ведь нам в пределах мироздания
Не избежать своей судьбы.

Судьба дарована нам свыше,
Живи свободно и легко...
И пусть Господь нас всех услышит,
И нам услышать бы Его!

* * *

Беспомощной мыслью сердца не тревожат,
Беспомощным словом лишь глупости множат,
Беспомощным словом не справиться с болью,
Беспомощной болью не сладить с любовью.
Бессмысленным словом не сладить с огнем,
Бессмысленно слово — нет истины в нем.

ВСЕМ ХОЛОДАМ НАЗЛО

Всем холодам назло,
Переживая стужу,
Мне иногда везло
И это грело душу.

Всем козням вопреки
Я не свернул с дороги
И у родной реки
Нашел свои истоки.

Подземных вод поток
И... лодка у причала,
Начало и итог,
Итог и вновь начало.

* * *

На этом неласковом свете
Судьба оступалась не раз.
Мои перожденные дети,
Как больно и горько без вас.

На этой гудящей планете
Есть тихое слово — прости.
Мои гениальные дети,
Вам крест непосильный нести.

За вас я, любимых, в ответе,
Но жизни так мало одной.
Мои неизвестные дети,
Все ваши печали со мной.

Душа моя юностью грезит,
Но край горизонта в огне.
Мои нерожденные дети
Приходят и плачут во сне.

Мы вместе и плачем, и бредим
Своей и чужою судьбой.
Мои перожденные дети,
Мы встретимся в жизни другой.

* * *

В дни памяти И. Ключева
23.10.09 г., г. Томск

Обезнежили мы, обезнежили —
То ли жили мы, то ли не жили
В мире праведном и неправедном,
Да в обратный путь не пора ли нам,
Да на том пути все изведано,
Да под тем крестом то, что предано,
Да под тем дождем все до ниточки,
Кому постны щи, кому сливочки,
Кому свет в окне, кому темень-заа,
А любовь мою всю сожгли дотла..
То ли жили мы, то ли не жили,
Злобой сладкою всех потешили.

МОЛИТВА К БОГУ

Посох творящий возьми,
Гибнут без веток корни.
Господи, мир вразуми —
Разум любовью наполни.

В смутные думы добавь
Добрые, светлые мысли...
Только великое славь,
Только прекрасное числи.

Чтобы всегда по весне
Птицы стремились к гнездовью,
Чтоб наяву и во сне
Мир наполнялся любовью!

Человечество сходит с ума
От пороков земных, от бессилья.
Нас уже не страшат ни тюрьма, ни сума,
Не пугает нас кровь и насилие.

Человек, словно робот в пространстве живет,
Без любви роботенков рождает,
Непотребное что-то жует,
Непотребным мозги осушает.

Человечество сходит с ума —
Дух терзает и плотью страдает.
Свет небесный сквозь серый туман
На пустые поля оседает.

Человечество сходит с ума —
Все скуднее любви закрома.

Я покидаю с горечью тебя —
Москва, Москва — нерусская столица.
Мне, русскому, хамят здесь и грубят,
Здесь негде от разбойников укрыться.

Россия, необъятная моя,
Гляжу с холма и сердце замирает.
Я уезжаю в дальние края,
Где русский дух, пока еще витает,

Где Русь моя, надеждами полна,
Что через годы возродится снова.
Москва, Москва, — есть в том моя вина,
Что не сказал в твою защиту слова,

Что промолчал, когда вели в полон
Твоих детей, оторванных от древа.
Ни Ангара, ни Енисей, ни Дон
Из берегов не выплеснули гнева.

Москва, Москва, прости мне этот стыд
За всех, за все и за мое молчанье,
Прости меня и нас Господь простит.
И всех вернет к любви изначальной.

1993 ГОД

Порушена держава,
Но нужно дальше жить.
Я не имею права
Вас, грешники, судить.

Такое, видно, право
Мне свыше не дано,
Но целая держава
С бесправьем заодно.

Но целая держава
Споткнулась на пути.
Налево, иль направо
Иванушкам идти.

Но целая держава
Умолкла певпопад,
И лишь былая слава
Призывно бьет в набат.

ВЕСНА 2010

На земле происходит
смещение полюсов.

Из научных статей

Еще не начиналось лето,
Еще февралило в апреле,
Но понимали мы, что где-то
Уже проклюнулись капли.

На грани сумерек и света
Сдвигала полюса Планета,
Еще не начиналось лето,
Уже заканчивалось лето.

От печали надолго ли скроюсь,
Перемешан с закатом рассвет.
Успокоиться, не успокоюсь,
Потому, что спокойствия нет.

Потому, что в далёком и близком,
Как в тумане, не видно ни зги,
Перепутаны, видимо, слишком
В моей памяти годы мои.

Перекручены питочки, нити,
Узелками отмечены дни...
Видно, все мы живем по паитью,
Укрываясь от света в тени.

Укрываясь от хмурого взгляда,
Мы торопим течение лет.
А печалимся — значит так надо —
Без печали и радости нет.

Поминальное...

Мы бы могли жить совсем по-другому...
Лодка печали причалила к дому.
Мы же не звали ее, не просили.
Сел в эту лодку отец наш — Василий,
Дочка Светлана, сынок — Василечек,
Бабушка Дуня и сын ее — летчик,
Брат Анатолий и друг его странник —
Лодка отчалила, скрылась в тумане.
Лишь перевозчик махнул на прощанье
И, оглянувшись, сказал: «До свиданья».

Когда застигнет ветер в поле,
Весенний гром оглушит вдруг...
Судьба немислима без боли
И нет больней душевных мук.

Когда людские кривотолки
Тебя смутят, ты промолчи.
Судьбы зеркальные осколки,
Как звезды, высыпая в ночи

По ним судьбу свою сверяя,
Поймешь, что мучился не зря —
Любовь придет в начале мая,
Или в начале сентября!

Кому весенние разливы,
Кому осенняя тропа.
Как песен разные мотивы —
У каждого своя судьба.

И кто какой достоин доли,
Пройдя сквозь тысячи обид?
Судьба немислима без боли,
Душа и в радости болит.

* * *

Я грустить подолгу не умею,
Женский взгляд лишь чуточку кольнет —
Я уже от радости шалею
И душа срывается в полет.

Я в любовь таинственную верю,
Потому навстречу ей лечу.
Я грустить подолгу не умею,
А вернее, просто не хочу.

Радости не так уж в жизни много,
Каждый миг удачливый ловлю
И взлетаю высоко-высоко
От щемяще-нежного «люблю».

Не кличь по имени меня,
Я позабыт тобою.
Где были травы — там стерня,
Все скошено судьбою.

Так колко, холодно в душе.
И в поле одиноко..
Черным-черно, лишь на меже
Цветов осенних много.

И в ожидании огня,
Палящего, степного —
Не кличь по имени меня,
Не обжигайся снова.

* * *

В любви, как в карточных гаданьях,
Дни перемешаны судьбой...
Всего страшнее расставанье
С самим собой, с самим собой.

Когда природы увяданье
Вдруг обозначит свой предел,
Всего печальней расставанье
С тем, что познать ты не успел.

Ты сказала — забудь, я забыл.
Ты сказала — припомни, но поздно.
Мою память пустили в распыл
И вернуть ничего невозможно.

Позатихла тех дней суета,
Маята захолонула где-то
И осталось уже навсегда
В лете том отгоревшее лето.

Дни и ночи смешались в дыму,
В том дыму наших пылких бессонниц.
Помнят только лишь стены в дому
Шелест платьев и шепот влюбленных.

Я, наверное, очень любил,
Но убийственным было то слово —
Ты сказала — забудь, я забыл,
Так забыл, что не вспомнить былого.

Во все трубы, валторны трубя,
К небесам справедливым взываю —
Я тебе оставляю тебя,
А себя я с собой забираю.

Никаких нету явных причин
На тебя мне сердиться, родная.
Я один — потому, что один,
Потому, что один, это знаю...

Не бывает любви без разлук,
Знаю я — это было со мною —
Разрывал я сплетение рук,
Плач вселенский стоял за спиною.

.....
Ночь на капельки света дробя,
Я пытаюсь поладить с судьбою —
Я тебе оставляю себя,
А тебя забираю с собою.

Я выдумал тебя,
Теперь пред всеми каюсь
За то, что не любя
Исправить мир пытаюсь.

За то, что вопреки
Всем домыслам и смыслам
Не дописав строки,
Перехожу вдруг к числам.

Из памяти моей
Вновь выплывают даты —
Рождение друзей
И горькие утраты.

И я, судьбой храним
Вдруг понимаю ясно,
Что в мире больше зим
И больше дней ненастных.

Метели декабря
Мою тревожат память.
Я выдумал тебя,
Пытаясь мир исправить.

ВОЛК

Что же ты, милый, все рыщешь и рыщешь,
Все по лесам, по распадам глухим.
То ли беду свою верную ищешь
В зимнем краю, где никем не любим.

Что ж ты при встрече глазами сверкаешь,
Я враждовать не намерен с тобой.
Ты, как и я, в этой жизни мытаришь.
Видно, одной нас связали судьбой.

Гнев умири и взгляни добрее,
И в человечность людскую поверь.
Может, друг другу мы станем роднее,
Дай обниму тебя, ласковый зверь.

Серый загривок рукою поглажу.
Не опасайся тепла моих рук,
Может, с собой и с тобою полажу,
Мой недоверчивый, названный друг.

* * *

Чем дольше живу,
Тем реальнее сны.
А там, наяву,
Все от злобы пьяны,

А там, наяву,
Свет холодной луны.
Чем дольше живу,
Тем прекраснее сны.

Чем дольше живу,
Тем страшней наяву.

ИСТОКИ

...и дум высокое стремленье...

А.С. Пушкин

Поэзия должна быть несурзой,
Неприбранной, неправильной и разной...
Поэзия не просто — откровенье —
А чувств и дум невольное смятенье.

И тех же дум — невинное блужданье,
Поэзия — начало Мирозданья,
Законов всех начальная строка,
Мгновений неосознанных века...

* * *

Надо верить, что смерти нет.
Путь прошел и назад оглянулся —
Слава Богу, я видел свет,
Слава Богу, я в свет окунулся.

* * *

Вот и мама моя
Попрощаться со мной не успела —
И в иные края
Птицей белою полетела.

Горе-горюшко,
Как же такое случилось,
Только перышко
В руки мои опустилось.

У врагов моих кончилось чувство вражды,
Как чернила закончились в склянке,
И теперь никакой я не вижу нужды —
Трактора перекрашивать в танки.

У врагов появилось вдруг чувство вины,
Знать достигли такого предела,
Что готовы поплакать у древней стены,
Той стены, что от слез отсырела.

Неужели проснулось в них чувство любви,
Вопреки застоявшим устоям —
Там, где нынче стоит белый храм на крови,
Храм любви на любви мы построим.

Свою женщину я никому не отдам,
Ни пространствам чужим, ни прошедшим годам,

Ни летящим поземкой степным холодам,
Никому свою женщину я не отдам.

Ни врагам своим близким, ни дальним врагам,
Никому, никому я ее не отдам.

Сколько б не было в жизни комедий и драм —
Никому свою женщину я не отдам.

Никому, никогда, ни за что не отдам —
В честь ее я воздвигну на острове храм.

Не смиряясь с разлукой — грядущим векам
Ее образ божественный я передам.

* * *

Не подгоняй задачу под ответ,
Когда ответа у задачи нет.
Не возводи напраслину из слов,
Пока ты к спору, друг мой, не готов.

Не философствуй за пустым столом,
Не говори в раздумье о пустом,
Не повторяй, что истина в вине,
Не только грешным мучиться в огне.

Слова и мысли в споре береги,
Не лги себе и ближнему не лги.
Есть ясный ум, а есть безумный бред,
На все вопросы не найти ответ.

ПЛАЧ РАЗЛУЧНЫЙ

Проведет рукой по голове —
«Милый мой, не верь худой молве».
Проведу рукою по руке —
Все сомненья где-то вдалеке.
Кривда, правда — как их отличить,
Все ль любовью можно излечить?
«Да» отвечу и отвечу «нет»,
За окошком сумеречный свет
И звезды рассыпавшийся след.

Опадает осенью листва,
Голый лес, да не имеет срама.
Не бывает дальнего родства —
Все мы дети Евы и Адама.

Все мы дети первого греха,
Плод познания яблоком зовется.
Пуповиной связаны века,
Нить времен вовек не оборвется.

Нет на свете большего родства,
Каждый век — мой брат единокровный.
По весне зеленая листва
Нежным шумом наполняет кроны..

Каждый век по-своему любим,
Что есть жизнь — комедия и драма.
Сквозь листву и предрассветный дым
Проступают очертанья храма.

* * *

Не бывает пророчества гладкого,
То туда, то сюда занесет..
Сколько горького, столько же сладкого —
Познается в сравнении все.

Не бывает без близкого дальнее
И без тьмы не почувствовать свет,
И должно что-то быть очень тайное,
Из которого выхода нет.

* * *

Не торопи, не торопись,
Ведь время — это наша жизнь,
И чем быстрее проходят дни,
Тем бесполезнее они.

Попробуй мыслить не спеша,
Чтоб мысли правила душа.
Живи сегодня — здесь, сейчас,
Не торопи свой смертный час.

Кто знает, где тот миг последний —
Не подглядеть, не подсмотреть.
Вот я на фото — пятилетний,
Еще не знаю, что есть смерть.

Еще не знаю, что с годами
Все переменится вокруг —
Уйдет отец, не станет мамы
И навсегда покинет друг.

Еще не знаю, что со мною
В морозный день произойдет.
Ведь жизнь под солнцем и луною
У всех по-разному идет.

Просветы в думах и затмения
Разбавлены хмельным вином,
И ты на грани откровения,
Чуть-чуть и тронешься умом.

Чуть-чуть и веточка сирени
Уже к стволу не прирастет
И привидений чьи-то тени
Ночной устроят хоровод.

Но ночь пройдет и день весенний
Вселил надежду на потом.
Вот я на фото пятилетний
И снег кружится за окном.

* * *

Печаль моя светла

А.С. Пушкин

Давай из комнат выйдем
И спустимся во двор,
Какой простор увидим,
Безоблачный простор.

За синью сию другая,
Небесных красок грусть
И в суть судеб вникая,
Я говорю — не трусь.

Я говорю — смелее,
За далью снова даль.
Нет ничего роднее,
Чем русская печаль.

Чай «на дорожку» выпьем
И ясным, светлым днем
Вдвоём из дома выйдем
И по земле пойдём.

То зной, то снег, то слякоть,
Дней скучных череда.
Мы разучились плакать
И в этом вся беда.

Мы разучились нежить
И от любви дрожать,
И потому все реже
Волнуется душа.

Мы разучились плакать,
А надо бы уметь,
Среди житейских тягот —
Страдать, любить, жалеть.

* * *

Я снова загнан в угол,
Где тьма, где белый свет?
Но нет во мне испуга
И страха тоже нет.

Бывало и похуже,
Вы помните, друзья,
Как в наши души стужа
Вползала, как змея.

Но мы любовью жили,
Молитвою Творца —
И в стужу не остыли
Ни души, ни сердца.

Содержание

«Но мы любовью жили...»	5
Поэт.	12
Начало	13
«Что-то не то в этом мире творится...»	14
«Пройдет печаль, исчезнет грусть...».	15
70-е годы. «ИЗ ПРОШЛОГО ВЫСВЕЧЕН СЕРДЦЕМ»	
«И холмы, и равнины...»	16
Заброшенный дом	17
Смерть бабки	18
Отец.	19
«Мелеют озера и реки мелеют...».	20
Батагай	21
Начало сезона	22
Ночной снегопад	23
«Хоронили в селе настуха...»	24
«Множество проб и ошибок...»	25
Поздняя любовь.	26
«Меня не станет на земле...»	27
«Светлая, светлая осень...».	28
«Вот и прошел я уже полпути...»	29
«Опять дожди тиранят город...».	30
«Зовет апрель гулять, гулять...»	31
«Загадался в прозрачный ручей...»	32
«Как медленно время идет...»	33
Кольмская стена (отрывки из поэмы).	34
Родовы.	37
«Я сын любви, я внук раздора...»	38
«Как цветок придорожный попкину...»	39
Погорельцы.	40
«Из прошлого высвечен сердцем...»	41

«Три женщины любимых. Три печали...»	43
«Вот и вышел намеченный срок...»	44
«Душой ничуть не покриваю...»	45
Мольба	46
«Эта женщина Востока...»	47
«Рисую осенний пейзаж...»	48
«Из той поры до нынешнего дня...»	49
«Сколько прошел дорог...»	50
«Все, что от жизни возьму...»	51
«Сколько потеряно, сколько не найдено...»	52
Предчувствие.	53
Сорокалетним	54
«Все больше зимние пейзажи...»	55
«Задумаюсь над сутью бытия...»	56
«В моем лице — морщинки прапрадеда...»	57
«Поеду в Сочи отдыхать...»	58
«Песочные часы. Шуршащие песчинок...»	59
«Ночное небо. Холод. Тишина...»	60
«Предзимье в лесу. Не зима и не осень...»	61
«Голову на плаху положу...»	62
«Распутица, сумятица и слякоть...»	63
«Творение, забвение, хаос...»	64
«Когда сменяются цари...»	65
«Громко крикну, в ответ отзовется я...»	66

80-е годы. «ДОРОГИ, ДОЛГИЕ ДОРОГИ»

Библейский мотив	67
Тобольск, 1989	69
«По часовой, по часовой...»	70
«Я играл трагическую роль...»	71
Монолог ребенка, погибшего от голода	72
Памяти сына	73
«Хороним мальчиков своих...»	75
«С горем смириться нельзя...»	76

«Есть светлые, есть темные стихи...»	77
«Опять несет меня волна!»	78
«Ходил, бродил по свету...»	79
«Дом, окно, задернутая штора...»	80
«Разъезжаются, кончен сезон...»	80
«Наши судьбы так долго блуждали...»	82
«Не лги себе и ближнему не лги...»	83
«Светлое слово «люблю»...»	84
«Вот и вытолкал воз на дорогу...»	85
«Попаачь душа, быть может, легче станет ...»	86
«Я в той поре, когда спящая мудрость...»	87
«Закалубилась дорога степная...»	88
«Дороги, долгие дороги...»	89
«Глаза в глаза, застыли в ожидании...»	90
Алеппа. Блаженный Алексей	91
«Все больше зимние пейзажи...»	92
«Пересеклись пути-дороги...»	93
«Изнутри лицо мое юное...»	94
«Всем нам по-божески дано...»	95
Русский мотив	96
«Какая красная рябина...»	97
«На два узла, на два узла...»	98
«Отремонтировали дом...»	99
«Вырыл колодезь глубокий...»	100
«Шампанское куплю и шоколад...»	101
«Улягутся страсти-мордасти...»	102
«Ночь. За окошком лишь блики огня...»	103
«Уезжаю с ночного перрона...»	104
«Подражание Есенину...»	105
Другу	106
«Пей до дна, да пей до дна...»	107
«Вот и выпала стезя...»	108
«Я недругов прощаю...»	109

«Вечереет, гляжу на закат...»	110
Заклинание	111
«Эта женщина моя...»	112
«Ревностью к тебе переболел...».	113
Размовка	114
Возвращение блудного мужа	115
«Осенняя трава...»	116
«Женщины, любимые, простите...»	117
«Я выпил море или два...»	118
Старое фото.	119
Зимняя сказка	120
«Было тогда все, как помнится — проще...»	121
Зимний романс	122
«Простуженная высь...»	123
«Давайте целоваться...».	124
«Гуляют вьюги, вновь зима...»	125
«Не знаю, не знаю, не знаю...».	126
Вечерняя дума	127
«Где чувства старые, где новые...»	128
Дома	129
«Сказала, что вышла на миг...».	130
«Живу, по чьим-то меркам, долго...».	131
«Душа напомни о себе...»	132
Перед битвой.	133
«Что в мир поддунный мы несем...»	134
Предисловие	135
Исповедь поэта	136
«Осенний дождь умоет город...»	137

90-е годы. «РУССКИЙ МОТИВ»

Мне не нравится эта погода.	138
Дсныги есть — гуляем, брат, на все.	139
«Русское похмелье».	140
«Нищета»	141

«Спит спокойно гордый ввук славян...»	142
«Все те же улицы, дома...»	143
На дворе 1998 год	144
«Кому звездная дорога...»	145
«То свобода, то темница...»	146
Второе пришествие	147
Этюда	148
«Взглядами встретились и потерялись...»	149
«Чужие мы — летело вслед...»	150
«С тобой в разладе, день, не день...»	151
Старатель-одиночка	152
Август	153
«Вот и состарилась улочка тихая...»	154
Осеннее	155
Родителям	156
Март	157
«Однажды выйду из ворот...»	158
«Стекает с купола туман...»	159
«Ты мое неземное творенье...»	160
«Я печку зитоплю...»	161
«Я огонь в печи раздую...»	162
«В этот дождь окунусь с головою...»	163
Юное фото жены	164
«Рано утром приеду к тебе...»	165
Три стихотворения Глебу	166
«С ног на голову спова...»	168
Сохраненные дочерью строчки	169
«Труби, трубач, всю труби...»	170
«На крутом берегу...»	171
Статуэтке, стоящей на столе	172
«Мимо летел этот вечер...»	173
«Улеглась, устоялась погода...»	174
«Не снись, не надо. Поутру...»	175

«Птицей вприхнула в мой дом...»	176
«Что-то оплачено кровью и потом...»	177
«Старые дровни скрипят от мороза...»	178
«От щемящей тоски замираю...»	179
Памяти дочери	180
У могильной плиты	181
Деревенский погост	182
«Через много, много лет...»	183
«Видится сон или снится бль...»	184
«Тихая заводь, трава да тальник...»	185
С картины Н. Бурцева	186
«Девочка, женщина, птица...»	187
«Так и не встретились с тобой...»	188
«Я же просил тебя больше не сниться...»	189
Гений тьмы	190
«О чем мы тогда говорили...»	191
«Вспоминаешь тяжелы...»	192
«В реке свинцовая вода...»	193
Ожиданье	194
«Как холодно и неуютно в мире...»	195
«Со мною будет все иначе...»	196
Вечеря	197
«Жил. И не просто ведь жил...»	198
«Мы эту зиму еще передоужим...»	199
«Проспуться бы во времени ином...»	200
Запев к поэме «Борис и Гасб»	201
«Проснусь внезапно среди ночи...»	202
«Все испытала я: и бури, и стужу...»	203
«Забуду тебя, забуду...»	204
«Мимолетность встречи...»	205
Война и мир	206
Зимняя ночь в Кемерово	207
«Во сне я видел сон...»	208

Быль	209
«Научился жить-лукавить...»	210
«Отодвинуты засоны...»	211
«Если ты идешь путем окольным...»	212
Бытие	213
Русь— 1993	214
«Жизнь моя пустынна и пуста...»	215
Причастие	216
Русский плач	217
Воспоминание о 1953 годе	218
«Снова изменились времена...»	220
Русскому мужику	221
Дочери Светлане	222
Балахонка	223
После зимы	224
Поэту	225
«Лают в деревне собаки...»	226

2000-е годы. «ВСЕМ ХОЛОДАМ НАЗЛО»

Клеветникам России	227
Собачья жизнь	228
«Я пил вино, душа болела...»	229
Признание	230
Осень на улице Весенней	231
Рассвет	232
«Уход...»	233
У меня нет времени уже	234
Заповедь	235
«Она сказала мне: «Прокатимся по осени...»	236
«Твои глаза — два озера глубоких...»	237
«Опять о памяти. Я в ней...»	238
«Без любви проживаем на свете...»	239
Метаморфоза	240
«Вновь за окошком слякоть...»	241

Памяти Ю. Кузнецова	242
Весенний мотив	243
«Агдам, португальцы, ркацители...»	244
Мысли по случаю	245
Ночной путь	246
«Божественный миг бытия...»	247
Снегурочка	248
«Я не знаю, что будет со мной...»	249
«Куда ведет меня дорога...»	250
«По воле случая, по воле...»	251
«Не верьте гороскопам...»	252
«Нам, наверное, нужно расстаться...»	253
Дачный роман	254
«Слова вдруг повернулись вспять...»	255
«Мною прожито немало...»	256
«Месякают за датой дата...»	257
«Какая благодать...»	258
«Была я с тобою и нежным, и страстным...»	259
«Я прошел такие холода...»	260
«Моего беспробудного пьянства...»	261
«Любимая, какая благодать...»	262
«Жизнь от свиданья до свиданья...»	263
«Лучше б я была в этом мире блаженным...»	264
«Вот и вышла на новый виток...»	265
«Вновь на гармошке играют страдания...»	266
«Привык играть словами...»	267
Запоздалое откровение	268
«Как жить на свете не любя...»	269
«Жизнь, будто поезд, пронесется мимо...»	270
«Разлюбил меня, разлюбил...»	271
«Вот и прошла эта странная ночь...»	272
Родительский день	273
«О чем не сказано еще...»	274

К современной России	275
Россия в начале XXI века	276
Конец тысячелетия.	277
«Среди февральской зимней стужи...»	278
Смута в столице	279
«Как больно рождается слово...»	280
Божж	281
«Все вдребезги — любовь, вино...»	282
«Снова парад планет...»	283
«Помолчи, дружинице, помолчи...»	284
«Осень прохладною дышет...»	285
«Соленое и пресное...»	286
«Я позабыть тебя забыл...»	287
Романс	288
«Доверившись судьбе...»	289
Время	290
Прошлое	291
Молитва	292
«И день, и два, и год пройдет...»	293
«Шансы мои, паверное...»	294
Кукушка	295
«А жизнь — людей столпотворенье...»	296
«На любовь не ворожи...»	297
«Всю жизнь мы играем в рулетку...»	298
«Устал притворяться, устал преклоняться...»	299
«А время высветит случайно...»	300
Колыма	301
«Будь счастлива и дальше без меня...»	302
Стихи для романа	303
Предзвье	304
«Ты думаешь, грехи простятся...»	305
«Ты о чем задумался поэт?»	306
«Я сотворил себя...»	307

Курортный роман	308
«Я мог бы стать великим кулинарум...»	309
О власти	310
Ажемиссия	311
«В час, когда сердцу поется...»	312
«Средь подобных, среди равных...»	313
«Сушенный виноград — уже не виноград...»	314
Утро в ванной комнате	315
Телефонный разговор с Петербургом	316
«Никнут в оврагах осенние травы...»	317
«Все и вся из ничего не явлено...»	318
«Все пройдет, но останутся вечно...»	319
«Вот и замкнулась дорога скитаний...»	320
«За тем, за облачным пределом...»	321
«Беспомощной мыслью сердца не тревожат...»	322
Всем холодам назло	323
«На этом недасковом свете...»	324
«Обезнежили мы, обезнежили...»	325
Молитва к Богу	326
«Человечество сходит с ума...»	327
«Я покидаю с горечью тебя...»	328
1993 год	329
Весна 2010	330
«От печали надоело ли скроюсь...»	331
«Мы могли жить бы совсем по-другому...»	332
«Когда застигнет ветер в поле...»	333
«Я грустить подожду не умею...»	334
«Не кличь по имени меня...»	335
«В любви, как в карточных гаданьях...»	336
«Ты сказала забудь, я забыл...»	337
«Во все трубы, валторны трубя...»	338
«Я выдумал тебя...»	339
Волк	340

«Чем дольше живу...»	341
Истоки (определенные поэзии)	342
«Надо верить, что смерти нет...»	343
«Вот и мама моя...»	344
«У врагов моих кончилось чувство вражды...»	345
«Свою женщину я никому не отдам...».	346
«Не подгоняй задачу под ответ...».	347
Плач разлучный	348
«Опадает осенью листва...»	349
«Не бывает пророчества гадкого...».	350
«Не торопи, не торопись...».	351
«Кто знает, где тот миг последний...»	352
«Давай из комнат выйдем...».	353
«То зной, то снег, то слякоть...»	354
«Я снова загнан в угол...».	355

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ»

Издано:

Валентина Телгина. Богородская трава. 2005

Владимир Радкевич. Вечность нас пригласила в гости. 2007

Александр Кердан. Избранное. 2008

Николай Година. Избранное. 2008

Анатолий Гребнев. Берег родины. 2008

Сергей Чепров. Когда болит... 2009

Наталья Поляченкова. Неоконченный портрет. 2009

Алексей Решетов. Избранное. 2009

*Подробная информация об изданиях и заказ книг на сайте
www.tamator.ru*

Литературно-художественное издание

Борис Васильевич Бурмистров
СКВОЗЬ СУМЕРКИ ВРЕМЕН
Стихотворения

Оформление *А. Г. Шадрина*
Верстка *К. М. Лопатин*
Корректор *И. Ю. Коттева*

Бурмистров Б. В.

Б91 Сквозь сумерки времен: Стихотворения — СПб: Издательство «Маматов», 2011 г. — 368 с.

ISBN 978-5-91076-052-7

Подписано в печать 20.02.2011 Формат 70 x 100¹/₃₂
Гарнитура Lazurski. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16. Тираж 1200 экз. Заказ № 524.

Издательство «Маматов»
190068, г. Санкт-Петербург, Вознесенский пр., 55а,
www.mamатов.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс «Звезда»
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34

БР

БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОЙ
ПОЭЗИИ

БОРИС БУРМИСТРОВ

Борис Бурмистров—известный русский поэт, автор более 10 поэтических книг: «Не разлюби», «Душа», «Поклонись земле русской», «Песочные часы», «Лирика», «День зимнего солнцестояния», «Скажи люблю», «Теплое дыхание зимы» и другие, выходящие в разное время в Кемерово, Москве.

Борис Бурмистров—член Союза писателей СССР, России, член Высшего Творческого Совета Союза писателей России, лауреат премии им. В. Д. Федорова, Всероссийской премии «Белуха», Всероссийской православной литературной премии им. Святого благоверного великого князя Александра Невского, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. Клюева, член-корреспондент Российской академии естественных наук, академик Петровской академии наук и искусств.